МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

1829. № 5. Мартъ.

I. Письма изъ Сибири (*продолженіе*)..... 3

II. Раззореніе Инады..... 23

III. Бесѣда Кембриджскихъ Профессоровъ съ Московскимъ Митрополитомъ Платономъ, въ 1800 году..... 33

IV. Стихотворенія.

1. Лилія (изъ Аттербома; съ Шведскаго перев. Баронъ Розенъ)..... 40
2. Арфа (А. Г. Ротчева)..... 43
3. На смерть А. П. Эссена (Ек. Т—вой)... 44
4. Мегемедъ (А. Вельтмана)..... 45
5. Къ Помпею—Вару (изъ Горація)..... 46

V. Разбойники. Трагедія Шиллера. пер. съ Нѣмецкаго. М. 1828 г..... 48

VI. Traité de physiologie appliquée à la pathologie (*Разсужденіе о Физіологіи, примѣненной къ Патологіи*). Соч. Ф. Ж. В. Бруссе. Парижъ, 1823 и 1824 гг.— Traité de physiologie pathologique (*Разсужденіе о Физіологіи Патологической*) Соч. Бежена. *Изданіе второе*. Парижъ, 1828 г.— Précis élémentaire de Physiologie (*Учебное начертаніе Физіологіи*). Соч. Мажанди. *Изданіе второе*. Парижъ, 1825 г. 55

Въ *Конторѣ Московскаго Телеграфа*, состоящей на *Большой Дмитровкѣ, въ домѣ Г-жи Артеміевой*, подъ No 27, по *коммиссіи*, *продаются слѣдующія книги:*

ЧЕРТЫ УМОЗРИТЕЛЬНОЙ ФИЛОСОФІИ, выбранныя изъ В—б—ра, Кл—на, Т—н—ра, и др.; изданныя А. С—мъ. СПб. 1829 г.; въ бумажкѣ 5 р. асс.

ЦЕФЕЙ. Альманахъ на 1829 годъ. М. 1829 г.; въ бумажкѣ 10 руб.

СТРАДАНІЯ ВЕРТЕРА. Съ Нѣмецкаго Р...— 2 части. М. 1829 г.; въ бумажкѣ 6 руб.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО СИЦИЛІИ, въ 1822-мъ году, А. Норова. 2 ч., съ планами, видами и виньетами. СПб. 1828 г.; на веленевой бумагѣ 25 руб. асс., на Любской бумагѣ 15 руб. асс.

ЗАМѢЧАНІЯ О СИБИРИ, Сенатора Карнилова. СПб. 1828 г., въ бумажкѣ 6 руб. асс.

ПРОСТРАННАЯ РУССКАЯ ГРАММАТИКА, изданная Николаемъ Гречемъ. *Томъ первый.* СПб. 1827 г.; въ бумажкѣ 8 руб. асс.

ПРАКТИЧЕСКАЯ РУССКАЯ ГРАММАТИКА, изданная Николаемъ Гречемъ. СПб. 1827 г.; въ бумажкѣ 7 руб. асс.

НАЧАЛЬНЫЯ ПРАВИЛА РУССКОЙ ГРАММАТИКИ, изданныя Николаемъ Гречемъ. СПб. 1828 г. въ бумажкѣ 3 руб. асс.

Ф/30/109992 58/103.
Дирл. 2

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

Часть двадцать шестая.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Медико-Хирургической Академіи.

1829.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Марта 15 дня 1829 года.

Цензоръ Сергѣй Глинка.

№. 5. *Мартъ.*

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ПИСЬМА ИЗЪ СИБИРИ.

(*Продолженіе.*)

XVIII.

Струя, за кормой вiющаяся, въ мигъ залилась, писалъ я къ вамъ на дняхъ; но текучія мысли ихъ, но быстрые разговоры ихъ, переливались въ моемъ воображеніи, какъ я возвращался по безмолвнымъ уваламъ. Пустыня, одиночество мысли, и не равнодушное видѣніе, какъ Флора, на каждомъ шагу, роняла украшенія изъ цвѣточной діадемы, расположили меня выходить не одинъ разъ изъ коляски, чтобы взять съ собою нѣсколько растеній, еще украшающихся цвѣтными перышками. Похищенія увядающихъ красотъ, 1 Сентября мною сорванныхъ, состояли вотъ въ чемъ: Даурскій синеголовникъ, алебастренникъ, серпуха, мангиръ, горицвѣтъ, девясилъ, смолевка, большая горлянка, крестовникъ, гребешки, желтый макъ,

жабрей, campanula lilifolia, convolvulus rupestris, гречиха обвилистая (*).

Какъ кстати я пріѣхалъ, съ пукомъ полевыхъ цвѣтовъ, въ домъ Князя Гантимурова, начальника Тунгузскихъ родовъ, у котораго дочь, какъ садовая лилія, карымскими личиками окруженная, готовилась къ брачному вѣнцу. Старшины подчиненныхъ родовъ уже съѣхались, хозяинъ подавалъ примѣръ гостямъ къ веселости, и мнѣ хотѣлось-бы посмотрѣть потѣхъ Тунгузскихъ при Христіанской свадьбѣ; но, къ сожалѣнію, домъ Князя былъ исполненъ кипѣнія и гостей, а другаго помѣщенія не льзя было найдти.

По разнообразности письма сего, которому нѣтъ особеннаго назначенія, вы дозволите здѣсь внести выметку о числѣ податныхъ душъ Тунгузовъ и Буряшъ, за Байкаломъ живущихъ.

(*) Echinops dauricus, Gypsophilla altissima, Serratula centauroides, Allium angulosum, Lychnis dioica, Inula salicina, Silene procumbens, Gnaphalium leontopodioides, Senecio nemorensis, Chrysanthemum arcticum, Papaver nudicaule, Anthirrhinum linaria, Campanula lilifolia, Convolvulus rupestris, Polygonum convolvulus.

А. Тунгузовъ:

а) въ Нерчинской Округѣ . . . 5,040
б) въ Верхнеудинской Округѣ . . 1,168
в) новокрещеныхъ въ послѣдней . . 540

Б. Буряшъ въ Верхнеудинской Округѣ:

г) Селенгинскихъ 8,457
д) Кударинскихъ 1,978
е) Баргузинскихъ 1,750
к) Хоринскихъ 21,374

Всѣхъ 40,151

Надобно знать, что Хоринцы частію живутъ и въ Нерчинской Округѣ, слѣд. по обѣимъ сторонамъ Яблоннаго хребта. Вотъ почему я и полагаю, что Птоломеевы montes Charinarii должны быть тоже, что нынѣ Яблонный хребетъ.

Я любопытствовалъ у Тунгузовъ, и прежде у Буряшъ, между прочимъ о мѣстѣ Чингисхановой столицы, иногда именуемой *Харакорумъ*; но никто изъ нихъ даже не намекнулъ мнѣ слѣдовъ любопытной древности. Такое глубокое невѣдѣніе, при выказывающемся почтеніи къ памяти Чингисхана, служитъ указаніемъ, что столица, или *Серикъ*, была станъ подвижной, который, вѣроятно, находился на время и въ помянутомъ урочищѣ Харакорумѣ (*).

(*) Планъ Карпинъ, описывая поѣздку свою къ Монгольскому Хану, видитъ гдѣ-то обширное озеро, ко-

Въ Верхнеудинскѣ я полагаю взять еще нѣсколько Монголо-историческихъ уроковъ у Г. Игумнова, какъ у единственнаго знатока, какого только Сибирь имѣетъ по части Манжурскихъ и Монгольскихъ познаній.

4 Сентября,
въ Верхнеудинскѣ.

XIX.

Я на верху Хамаръ-Дабана, одной изъ высочайшихъ Байкальскихъ горъ; ѣду подлѣ грозной, утесистой пропасти, отдѣляющейся отъ копыта лошади одними надолбами. Смерть и пропасть, казалось, прятались подъ лѣвымъ стременемъ.

Какъ можно было думать, когда 8-го Сентября я пользовался прекраснымъ временемъ въ живописномъ селеніи Торейскомъ, какъ думать,

---

торое Н. М. Карамзинъ тотчасъ принимаетъ за Байкалъ, на 42 стр. IV тома. Но гдѣ-бы ни былъ станъ Хана, ни съ одной стороны не льзя издали увидѣть Байкалъ, отъ котораго притомъ путь Карпина отклонялся-бы огромнымъ палисадомъ западныхъ Байкальскихъ горъ. При сокращеніи путешествія тогожъ Карпина, Исторіографъ переименовалъ мѣстечко *Коневъ*, *Хановылъ*. Ошибки — неизбѣжны въ огромномъ твореніи!

что черезъ два дня долженъ буду взъѣзжать на Хамаръ-Дабанъ по искуственному подъему, устроенному вавилонами, чрезъ такіе снѣжные сугробы, которыхъ вышина мѣстами равнялась $1\frac{1}{2}$ саженей? Тутъ погасло кичливое желаніе теплой равнины, желаніе подняться на самую вершину горы!

Пусть другіе, думалъ я, дѣлаютъ барометрическія измѣренія высоты Байкальскихъ Альповъ; пусть другіе ищутъ себѣ минералогическаго безсмертія открытіями по рѣчкѣ Слюденкѣ, вытекающей изъ окрестныхъ подошвъ Хамаръ-Дабана; пусть они богатятъ науку и кабинеты Сибирскіе лазурикомъ, главколистомъ, апатитомъ, тремолитомъ, байкалитомъ, и пр.— Что-жъ касается до меня, я довольствуюсь тою умѣренностію, что на вышинѣ, какъ и въ долинѣ, наслаждаюсь кроткимъ, мирнымъ расположеніемъ духа, какимъ не пользовались краснорѣчивые Гракхи, на своемъ ростральномъ возвышеніи. Я довольствуюсь тою свободой, что смѣю простирать, выше Байкальскихъ твердыней, кисть моей руки, мое перо: мнѣ довольно этого права.

Не величайтесь, твердыни Байкальскія, не величайтесь своими громадами; въ вашихъ основаніяхъ таятся волканическія потрясенія; вы разсыплетесь во мгновеніе ока! Не величайтесь, твердыни Байкальскія, своимъ очертаніемъ, сво-

ею вышиною; ваши вершины, ваши логовища, дики, безплодны, и благопріятствуютъ однимъ животнымъ неразумнымъ. Неслыхать, чтобы добродушіе или дарованіе основало себѣ кущу близъ васъ; такъ! этого неслыхать.

Когда я въ подобномъ, М. Г., возвышеніи чувствъ спустился съ поднебесья въ Култукъ, на подошву горъ, сколько выгодъ нашлось тутъ, въ смиренномъ раздольѣ! Я нашелъ лѣто, покойную хижину, отдыхъ отъ верховой ѣзды, довольство въ огородныхъ овощахъ, крестьянскую промышленность минералами со Слюденки, прекрасное купанье въ холодной водѣ Байкала и сонъ сладкій. Сладкимъ сномъ смѣняюсь-ли я на любую высоту человѣческую?

12 *Сентября,*
въ Култукѣ.

Postscriptum. Для сравненія моихъ чувствованій съ прежними, записанными въ подобномъ положеніи, я развязалъ суму старыхъ бумагъ, изъ числа которыхъ, надѣюсь, вы дозволите здѣсь включить, въ видѣ воспоминанія, односторонній абрисъ Кавказа, 1807 г. въ Сентябрѣ мною пробованный.

Кавказъ,

съ горы минеральныхъ водъ,

близь Константиногорска.

«Какъ восхищаюсь мыслію изобразить Кавказскіе виды! Пусть краски будутъ мертвы, пусть полотно не оживетъ подъ прикосновеніями пера: все однакожъ не отстану отъ работы. Удивительный видъ Бештовыхъ горъ, на чистой плоскости порознь разставленныхъ издали, не завидѣвъ еще Георгіевска, является колоссальнымъ поршикомъ, который природа, свыше образца, воздвигла въ преддверіи огромныхъ зданій Кавказа. Одна изъ пяти горъ, на 270 саж. возвышающаяся, больше другихъ обольщаетъ меня, потому что въ ней отливается больше красотъ.

Когда съ восточной стороны, версты за три, обращаешься къ ней, она представляется куполовиднымъ храмомъ, къ которому съ обѣихъ сторонъ еще примыкаетъ по одному какъ-бы придѣлу.

Когда солнце сядетъ вечерять, и преломленными лучами догараетъ въ вышинѣ небесной, гора облекается въ чудесную ризу, по которой струятся то фіолетовые, то палевые съ розовыми, узоры. Переливъ и измѣненіе пренещущаго свѣта съ смѣшеніемъ тѣней выстав-

ляютъ картину несказанную, неподражаемую для кисти человѣческой.

Когда она обовьетъ вершину свою въ дымчатое покрывало изъ облаковъ, заранѣе тѣмъ предвѣщаетъ перемѣну въ атмосферѣ, не взирая на ясность и тишину въ воздухѣ. Кабарда изъ за-границы смотритъ на это явленіе, какъ на барометръ, и за день читаетъ будущее небо.

Для расширенія картины, я хотѣлъ-бы на подошвѣ горы, тамъ, поставить крѣпость, тутъ раскинуть луга, далѣе помѣстить аулъ Черкесовъ мирныхъ, а далѣе приютить селеніе Шотландцовъ, пришедшихъ сѣять въ Кавказскихъ ущеліяхъ слово Евангелія.

Другая Бештовая гора достопамятна водомѣтами цѣлебными. Сіи благотворныя воды, низливаясь съ горы, образовали скаты, краснова-тою осадкой устланные, которые издалека мечутся въ глаза своимъ глянцомъ. На эту гору, коль скоро небесный женихъ возсіяетъ съ свѣтозарнаго ложа, я спѣшу по утру, чтобы насладиться зрѣлищемъ рисующагося Кавказа.

Кто не утреннюетъ — условіе замѣтное даже въ бытіяхъ бещества — кто не утреннюетъ, тотъ не увидитъ этого неизрѣченнаго зрѣлища. Нагорные льды съ дневнымъ зноемъ таютъ, туманы густѣютъ надъ вершинами, и прежде нежели солнце вступитъ въ меридіанъ, занавѣсъ

облачный развивается, и закрываетъ чудесную оптическую картину.

Какой занавѣсъ и какая картина! Отъ глазъ до послѣдней видимой горы, верстъ на сто, насѣяны поперегъ хребты, а въ длину проспираясь (такъ привыкаетъ видѣть и самый глазъ) до Каспійскаго моря, они представляются по законамъ перспективы въ одной безконечной, очаровательной линіи. Надъ этой линіей, въ такой-же перспективѣ, занавѣсъ облачный колеблется, поминутно развивается и опускается, тогда какъ несытые глаза, оспаваясь и послѣ туда-же вперенными, ищутъ просвѣтовъ сквозь закровъ, къ сожалѣнію ранній, на который досадуешь.

Эта линія горъ, посеребренныхъ снѣгами, индѣ черпѣющихъ отъ проталинъ, горъ, слагающихъ въ одну связь разныя вышины, разныя величины различнаго очерка, представляютъ необъятную связь видовъ. Индѣ рисуются храмы и замки; индѣ висячіе переходы между зданій; тутъ тронувшіеся бельведеры; тамъ падающіе куполы; индѣ обширные слѣды землетрясенія; индѣ горѣлые остатки пожарища; далѣе громады развалинъ, продолжающихся туда, туда.... туда, гдѣ усталый глазъ непримѣтно смѣняется воображеніемъ, туда (сдается) все продолжается незнакомый рядъ разрушенныхъ фасадовъ, и весь, по всей длинѣ, отъ солнечнаго зарева

пыластъ разноцвѣтнымъ освѣщеніемъ. Не видъли это Эдема? въ восхищеніи спрашивалъ я себя. Не аллегорическій-ли видъ Эдема, опустошеннаго и потеряннаго на землѣ?

Возвращаясь тѣмъ-же порядкомъ видовъ къ правой сторонѣ, я успокоивалъ и взоръ и воображеніе на лучезарномъ Эльборусѣ, на этой горѣ, сіяющей свѣтящимися льдами. Цвѣтъ ея есть цвѣтъ сплошнаго золота, а абрисъ ея точный чертежъ великаго шатра, раскинутаго, мечталось иногда, для Сенъ-Пьерова царственнаго Сейма, если-бъ только было это въ Европѣ.

Утѣшительныя мечтанія! вы приводили меня въ сладкое забвеніе, при подошвѣ Пятигорія. Картинные виды очаровывали и возносили меня выше меня. Я дерзалъ тамъ иногда взывать къ Творцу велелѣпнаго Кавказа, и, въ общемъ воскликновеніи съ добрыми сердцами Рускихъ, испрашивать мира землѣ, мира отечеству.»

XX.

По возвращеніи моемъ сюда изъ Якутска, вскрывъ письмо двухъ путешественниковъ, наполненное вѣжливости и сожалѣнія, что не случилось въ Иркутскѣ освѣжиться бесѣдою со мной, я равномѣрно выразилъ предъ ними свое не меньшее соболѣзнованіе о потерянномъ случаѣ къ свиданію съ такими небывалыми въ здѣшнемъ краю гостями. Такъ тому и быть.

Между тѣмъ, по мѣрѣ немаловажныхъ переѣздовъ, какіе сдѣланы мною по обширной здѣшней губерніи, чувствуя себя поставленнымъ на нѣкоторой общей высотѣ, я посмѣлъ нынѣ окинуть глазомъ губернію, и, въ слѣдствіе того, рѣшаюсь препроводить къ вамъ свое обозрѣніе, не вводя сюда частныхъ свѣдѣній о Киренскѣ и Якутскѣ, назначаемыхъ для другаго употребленія.

ОБОЗРѢНІЕ

Иркутской Губерніи

въ 1814 году.

Исторія.

Якутскъ былъ первоначальнымъ средоточіемъ Русскаго управленія, водворенія и завоеванія всего края, который нынѣ именуется *Иркутскою Губерніею*. Завладѣніе сего мѣстечка, какъ и всего края, было сдѣлано безъ начертаній Правительства, по одному чутью частной корысти.

Самовластіе, и, съ другой стороны, неподчиненность того времени, равномѣрно прикрывавшіяся отдаленностію, должны были казаться туземнымъ жителямъ нашествіемъ разбойничьимъ. Но неустройства первоначальныя, чрезъ сравненіе съ начальными основаніями славнаго Рима, теряютъ шероховатость въ слѣдующихъ

столѣтіяхъ. Умъ поражается незаконностію только на коротное время.

Первое образованіе края началось во времена Петра Великаго, и тогда точка управленія гнѣздилась уже въ Иркутскѣ. Но, если-бы изъ сей точки, а не изъ Якутска, власть начала распространяться на окрестныя орды, Камчатка не такъ скоро сдѣлалась-бы принадлежностію нашего отечества, а съ нѣмъ вмѣстѣ Великому Россіи не довелось-бы начертить инструкцію для морскаго обозрѣнія пролива и берега Сѣверо-Восточной Америки.

Второе образованіе обширнаго края, безъ прекословія, принадлежитъ къ открытію Иркутскаго Намѣстничества. Тутъ Управленіе явилось въ важныхъ и блестящихъ образахъ; лучи его разлились даже въ малолюдныя пустыни. Человѣкъ воспрянулъ, и услышалъ свое имя.

Движеніе, говорятъ, безконечно продолжается въ пустотѣ: такъ и движеніе образовательное, если оно сообщено духу народа, а не поверхности вещей, продолжаетъ своё дѣйствіе, хотя-бы частію и измѣнились внѣшніе образы. Пусть бросятъ преграды на пути: человѣкъ, уже вразумленный, отодвинетъ ихъ, и самыя силы природы откликнутся на помощь. Я видѣлъ въ настоящемъ году, по городамъ, свидѣтельства подобной дѣятельности

и благоустройства, какихъ не видали за 30 лѣтъ.

Вотъ исторія Губерніи! Она пишется въ Иркутскѣ подробнѣе, нежели какъ я пишу, съ изображеніемъ дѣлъ и характера мѣстныхъ правителей; это конечно не лѣтопись Тацита, но Тацитъ, при имени котораго празднуетъ душа чувствительная, гравировалъ истины своего отечества съ подобныхъ памятныхъ тетрадей. Архивъ правительственный раскрылъ-бы ему одни акты республики, а не чувства и мысли Римлянъ. — Довольно для исторіи!

Поверхность.

Земная поверхность губерніи = 24 милл квадратныхъ верстъ. Географъ, смотрящій на одну карту губерніи, легко путешествуетъ съ лорнетомъ отъ концовъ хребта Саянскаго къ группѣ Байкальскихъ горъ, потомъ къ протяженію Яблонныхъ и Становыхъ горъ, и, вѣроятно, воображаетъ, что прочее пространство есть равнина. Но изъ минералогическаго описанія Академика Севергина уже замѣтно, что только горы, и не широкіе роздыхи между горъ, составляютъ поверхность губерніи. Отъ р. Кана до пр. Берингова, отъ кр. Горбицы до острога Братскаго, сія поверхность безпрерывно, или холмится, или перебѣгаетъ въ нарочитые кряжи горъ.

Большихъ равнинъ здѣсь нѣтъ; однѣ долины залегли между гористыхъ кряжей, и называются *падями*. Степи здѣшнія также суть промежутки между горъ, всегда видимыхъ, да и такъ ихъ мало, что не трудно-бы сосчитать.

Красивыя долины суть: Кенонская, Хоринская, Кудинская, Тургинская, Балаганская, и пр.; красивыми мѣстоположеніями гордятся три крѣпости: Окша, Кудара и Тунка (*); сюда-же можно причислить окрестность Якутска. По наружной игрѣ природы, довольно замѣчательна первозданная набережная по лѣвому берегу Лены, выше областнаго города; она, какъ-бы опасаясь единообразія, многократно прерывается и опять начинается по другимъ зодческимъ чертежамъ. Къ большему-же удивленію, видите на правомъ берегу столпообразные ряды вывѣтрившихся известныхъ грудъ, которыя вышиною, очертаніемъ и многочисленностію, издали представляютъ какія-то чудныя развалины.

Верхняя плева земной поверхности, въ здѣшней губерніи, по большей части песчанистая, частію глинистая, и рѣдко черноземная, не глубока отъ первозданной корки, или черепа. Сей

(*) Когда я былъ въ Тункѣ, приходило на мысль, не въ родствѣ-ли будетъ *Тонкинское* Королевство нашимъ Тонкинскимъ Бурятамъ?

черепъ, будучи сплошнымъ минеральнымъ, лежитъ почти въ наготѣ по горамъ, да и въ долинахъ не далекъ отъ верхней плевы (*), ибо чѣмъ изъяснить всеобщую минеральность ключей, рѣчекъ, рѣкъ, озеръ, какъ не близостію минеральнаго черепа къ верхнему слою земли? Прибавьте еще къ тому богатый запасъ окаменѣлостей, и доказательность волканическихъ изверженій, начиная отъ краевъ Камчатки до Урала Тунки.

Населенность.

Населенность осѣдлая здѣсь прочеркнута, большею частію по рѣкамъ и трактамъ; послѣдняго условія недавно держались при назначеніи новыхъ водвореній.

Населенность состоитъ въ 200,000 душъ м. пола; слѣд. она содержится къ поверхности, какъ 1 : 120. Не душно, кажется, жить четѣ обоего пола на квадратномъ достояніи 120 верстъ. Русское племя содержится къ числу инородцовъ, какъ 1 : 4. Два сіи содержанія показываютъ, что для обхвата толь неимовѣрнаго

(*) Въ нѣкоторыхъ долинахъ пытались рыть колодцы для новыхъ поселеній, но не успѣвали открыть воды. Удивлялись; но причина очевидна, т. е. первообразный черепъ, плотный, крѣпкій, тотчасъ выказывался.

пространства, въ видѣ однихъ первообразныхъ занятій, уже не оставалось-бы излишнихъ рукъ; что рыбные промыслы, даже по Байкалу, далеко не обняли своего дѣла, въ соразмѣрности естественнаго изобилія и общественнаго продовольствія, и что развитіе искусственной части, какъ увѣнчаніе избыточной населенности, должно быть, какъ и въ самомъ дѣлѣ находится, въ грубомъ начинѣ. Цеховымъ, такъ несвойственно лакомящимся отъ препорученій по питейному откупу, пора-бы вразумиться въ истинныя отправленія своего званія; но, какъ видно, испытываемыхъ въ продовольствіи нуждъ еще не довольно къ тому, чтобы заставить понять честную цѣль, въ законахъ изрѣченную. Для чего-бы Градскимъ Думамъ, съ своей стороны, не руководствовать согражданъ къ мастерствамъ выпискою мастеровъ, или учрежденіемъ техническихъ заведеній?

Тельминская суконно-стеклянная, Солдатовская стеклянно-фаянсовая фабрики, какихъ-бы степеней совершенства онѣ ни достигли, столь-же мало могутъ быть вывѣсками знаменитаго искусства, какъ пневматическій насосъ, прекрасный гальваническій снарядъ, и другія орудія, какими владѣетъ Иркутская Гимназія. И орудія и мастеровые присланы.

Въ Сибири, какъ и въ здѣшней губерніи, со-

ставлены ремесленные домы, изъ присыльныхъ ремесленниковъ, въ поправленіе незаботливости градскихъ обществъ; но въ видахъ городскаго хозяйства справедливо можетъ помѣститься вопросъ: полезны-ли заведенія сего рода?

Условія полезности техническихъ заведеній должны естественно заключаться въ томъ, 1-е чтобы распространять и совершенствовать искуственную дѣятельность въ коренномъ классѣ народа, который, самою городскою жизнію и узаконеніями, обреченъ къ упражненіямъ въ искуствахъ; 2-е чтобы навыки искуственные переходили отъ отца къ дѣтямъ, въ видѣ наслѣдія, или капитала потомственнаго; 3-е чтобы довѣренность общества къ лицамъ, мастерствами занимающимся, обеспечивалась увѣренностію въ искуствѣ, честности и точности исполненія. Могутъ-ли сіи условія быть соглашены съ Сибирскими ремесленными домами? Но во всякомъ случаѣ остается вопросъ не рѣшеннымъ: какимъ назначеніямъ должны посвящать свои способности цеховые? На какихъ надеждахъ благосостояніе семействъ ихъ обопрется?

Естественная производительность.

Г-нъ Зябловскій, дабы истолковать не богатую плодородность южной части губерніи, относитъ сіе къ холодности, а самую холодность

главнѣйше: а) къ множеству горъ, съ юга заграждающихъ губернію отъ южной теплоты, и б) къ восточному положенію ея. Но отвѣтъ противъ перваго написанъ на поляхъ Красноярской округи, которая независимо отъ того, что также закрываютъ ее съ юга Саянскіе шпалеры, славится плодородіемъ. Кому притомъ неизвѣстно, что степени теплоты зависятъ отъ меньшей косвенности лучей, а частію и отъ земной почвы, больше или меньше способной къ содержанію теплоты. Что-жъ касается до втораго мнѣнія, трудно отдать себѣ отчетъ въ основательности его, потому что отношеніе восточности, какъ и полуденности, принадлежитъ каждому возможному меридіану. Справедливѣе было-бы искать причину холодности въ выпукломъ и гористомъ положеніи губерніи, въ минеральности первоначальнаго черепа поверхности, и въ непросыхающей, неизмѣримой тундрѣ.

По приличію упомяну о двухъ мѣстныхъ мнѣніяхъ, какія засталъ я въ Якутскѣ и въ Иркутскѣ. Въ первомъ мѣстѣ увѣряютъ, что въ послѣднія 40 лѣтъ, послѣ бывшаго въ то время сильнаго землетрясенія, аттмосфера сдѣлалась умѣреннѣе и теплѣе, а въ Иркутскѣ разглашаютъ, что въ южной части губерніи растворѐніе воздуха, въ послѣднія 20 лѣтъ, оказывается не такъ благопріятнымъ для прозябеній. Первому слуху трудно довѣрять, когда термометры въ

Якутскѣ утверждаютъ противное, а второй можетъ имѣть вѣроятность, по недовѣдомымъ категоріямъ метеорологіи. Тутъ не легко согласить только то, почему-бы землетрясеніе, которое горизонтальнымъ движеніемъ, безъ сомнѣнія, можетъ оплодотворять холодную и лѣнивую почву, было благотворно для Якутска, а не для южной части, гдѣ содроганія земли бываютъ чувствуемы каждый годъ.

Главная помѣха для прозябеній въ южной части губерніи, по временамъ, происходитъ: а) отъ сухихъ и холодныхъ вѣтровъ, весною продолжающихся; б) отъ недостатка благовременныхъ дождей, и в) отъ холодовъ (инеевъ), побивающихъ хлѣбъ, иногда въ цвѣтѣ, иногда въ наливѣ. Тлетворность послѣдняго случая умѣряютъ своимъ противодѣйствіемъ утренніе туманы, по косогорамъ кстати иногда разстилающіеся, если только посѣвы хлѣба бываютъ на косогорахъ. Отъ того-то происходитъ, что на одномъ и томъ-же урочищѣ волнуется жатва обильная, а пониже ея на одинъ, такъ сказать, серпъ, другая у сосѣда до осени зеленѣетъ, какъ трава.

Остановимся на секунду, чтобы взглянуть, какъ по степенямъ широты, по сей нисходящей лѣствицѣ силъ, природа здѣсь тощаетъ и замираетъ къ Сѣверу! Около Онона видите усилія персиковыхъ деревъ, просо и гречуху; на сѣверной сторонѣ Байкала, подобія дикихъ ябло-

ней, съ крошечными плодами, и всякое хлѣбное зерно; около Киренска ячмень съ огородными овощами, кедровые лѣса съ орѣхами; около Амги ячмень, въ самое счастливое лѣто; далѣе Верхоянска, вмѣсто красивой березы, уже одинъ бѣдный ерникъ, какъ сиротy; а далѣе, на тундрахъ, врачебные мхи и продолженіе, можетъ быть, морошки и клюквы, сихъ благодѣтельныхъ, слава Богу, даровъ въ цынготномъ климатѣ. Такъ умаляетъ природа даянія свои къ сѣверу, со стороны прозябающей снѣди, и въ возмездіе недоимокъ, она-же усугубляетъ щедроты приваломъ вкусныхъ морскихъ рыбъ, налетомъ дичи, и странствованіемъ млекопитающихъ двукопытныхъ, въ обратномъ содержаніи разстояній къ тому-же сѣверу. Но произнесть-ли печальный deficit? Ни въ какой широтѣ губерніи вы не увидите медоваго дупла, ни парящаго по воздуху руна златоперыхъ пчелъ, и навсегда отчайтесь услышать соловья, пѣвца весны и любви! Здѣсь поэма сама природа, и природа не думала о солистѣ.

Нѣтъ, не мое дѣло вводить васъ въ плодовитое царство животныхъ, обмежевавшихъ въ здѣшнемъ краю и самого человѣка; не мое дѣло знакомить васъ съ несчетными растеніями и минералами. Молодые, трудолюбивые Сибиряки, новаго, высшаго образованія, примутся на вѣр-

ное (*) за сіи важные уроки Естества. Лѣтописи наукъ впишутъ имена ихъ съ лучшею торжественностію, нежели имена Иперборейцовъ, по страннымъ заслугамъ увѣковѣченныя Иродотомъ.

15 Декабря 1814.
Въ Иркутскѣ.

(Продолженія надѣемся).

РАЗЗОРЕНІЕ ИНАДЫ.

Надобно признаться, что мы гораздо молчаливѣе нашихъ собратій Европейцевъ, когда дѣло идетъ о подвигахъ народныхъ. Во Франціи явится немного важное событіе—о немъ прубятъ сотни журналовъ, впорятъ десятки книгъ; этого не довольно: изъ областей литературы оно переходитъ на мебель, на посуду, и дамы спѣшатъ придумать въ честь ему новомодные

(*) Семенъ Семеновичъ Щукинъ, къ штату Иркутской Гимназіи принадлежащій, дѣйствительно заготовляетъ минералогическое описаніе губерніи, какъ я извѣстился въ Январѣ 1828 года. Онъ-же собралъ не маловажные гравники.

уборы. Всякая крайность имѣетъ свою смѣшную сторону: но у насъ противный порокъ. Мы, какъ будто довольные тѣмъ что удалось сдѣлать, не любимъ много толковать о томъ. Наши писатели, кажется, забываютъ, что нужно представлять народу его славу, такъ-же какъ нужно ветерану напоминать передъ битвою о побѣдахъ, въ которыхъ онъ участвовалъ.

Все это сказано вообще; перейдемъ къ примѣненію. Передъ нами отечественная война противъ Турціи, война, въ которой дѣло идетъ о поддержаніи чести Государственной и о спасеніи угнетаемыхъ. Казалось-бы, не льзя съ довольною подробностью описывать подвиги, которыя она подала уже случай Россійскому оружію совершить минувшимъ годомъ. Однако мы доселѣ терпѣливо довольствуемся оффиціяльными реляціями, которыя хотя и драгоцѣнны по своему безпристрастію и относительной подробности, однако могутъ и должны лишь доставлять понятіе объ общемъ ходѣ военныхъ операцій. Но собирать и обнародывать разбросанныя черты мужества или смѣлливости воинской—дѣло частныхъ людей, дѣло всѣхъ занимающихся текущею Словесностію. Если какое нибудь изданіе заслуживаетъ у насъ похвалу въ семъ отношеніи — это Тифлисскія Вѣдомости.

Но какъ образецъ лучше наставленія, то мы предложимъ здѣсь подробности нападенія на Инаду,

которое безъ сомнѣнія займетъ мѣсто почетное въ исторіи минувшей кампаніи противъ Турковъ. Сіи подробности намъ переданы достовѣрнымъ очевидцемъ.

Въ настоящую войну начали въ полной мѣрѣ сбываться великія предначертанія Императрицы Екатерины II, основательницы нашего флота Черноморскаго. Доселѣ еще не было эпохи, въ которую-бы флотъ сей оказалъ подобную дѣятельность. Предводимый Адмираломъ историческаго имени, А. С. Грейгомъ, онъ участвовалъ во взятіи двухъ противулежащихъ твердынь Чернаго моря, Анапы и Варны, истребилъ нѣсколько непріятельскихъ конвоевъ, и въ тоже время его крейсеры браздили Понтъ Эвксинскій во всѣ стороны, появлялись неожиданно при вратахъ Босфора, и уничтожая все что ни встрѣчалось, отрѣзывали Турецкіе корабли изъ-подъ самыхъ пушекъ баттарей непріятельскихъ. Добыча, доставшаяся неустрашимымъ каперамъ въ теченіе 2-хъ мѣсяцовъ, превзошла всѣ вмѣстѣ сложенные призы прошедшихъ войнъ Россіи съ Портою.

Турки, настигаемые и тѣснимые повсюду сими отважными экспедиціями, не нашли лучшаго средства, какъ обставить баттареями и небольшими редутами всѣ пункты Европейскаго своего берега, гдѣ Черноморскія суда ихъ могли имѣть пристанище.

Средоточіемъ сихъ береговыхъ укрѣпленій служила Инада или Ніада. Заливъ ея составляетъ хорошій рейдъ. Турки на берегу заложили два редута, укрѣпили ихъ артиллеріей и правильной ружейной обороною, и готовили еще два такіе-же. Сіе мѣсто издавна было укрѣпленнымъ; на немъ видны развалины башенъ старинной крѣпости. Одна изъ нихъ уцѣлѣла еще отъ сокрушающаго времени. Это было высокое шестиугольное строеніе о 3-хъ этажахъ, имѣвшее 36 саженей въ окружности и складенное прочно изъ дикаго камня; оно возвышалось на самомъ берегу, нося на себѣ слѣдъ нѣсколькихъ столѣтій. Сію-то башню обнесли Турки главнѣйшимъ изъ редутовъ, и подъ ея сводами учредили артиллерійское и военное депо, гдѣ сохранялось до 900 пудовъ пороха, около 50 т. патроновъ, со множествомъ воинскихъ и огнестрѣльныхъ снарядовъ всякаго разбора. Около редута находилось еще нѣсколько магазиновъ, лавокъ и до 20 жилыхъ домовъ, изрядно выстроенныхъ. Верстахъ въ 27-ми отъ сего мѣста лежитъ городъ Самаковы съ своими заводами, гдѣ отливаются ядра и другія чугунныя вещи, доставляемыя въ Инаду для отвоза въ Стамбулъ. Лишнее обстоятельство, побудившее укрѣпить сію послѣднюю и сдѣлать неприступною.

Плѣнные Греки донесли Адмиралу Грейгу, что гарнизонъ въ Инадѣ слабъ и завладѣть

ею возможно. Адмиралъ сообразилъ стратегическую важность сего пункта, страхъ, который паденіе Инады должно было произвести въ Константинополѣ, откуда она въ 80 верстахъ, наконецъ славу нападенія на мѣсто укрѣпленное, въ такой близости отъ столицы непріятельской. Немедленно отрядилъ онъ два фрегата, Рафаилъ и Поспѣшный, одинъ шлюпъ и одинъ катеръ, и ввѣривъ экспедицію храброму Капитану Крипскому, предписалъ ему захватить пушки, и истребить все остальное.

12-го Августа, вечеромъ, Капитанъ Крипскій отправился; 14-го подъѣхалъ онъ на весьма близкое разстояніе къ Инадѣ, осмотрѣлъ мѣстоположеніе и составилъ планъ атаки. 16-го въ 3 часа по полудни соединился онъ съ Рафаиломъ, крейсировавшимъ у Босфора: сей фрегатъ привелъ съ собою бригантину Елисавету. Медлить было не зачѣмъ. Въ тотъ-же вечеръ начали готовить высадку, для которой считая и унтеръ-офицеровъ, выбрано всего на все 370 человѣкъ подъ начальствомъ самого Г-на Крипскаго. Ихъ снабдили трехъ-дневнымъ запасомъ сухарей, всѣми потребными орудіями сапернаго дѣла и двумя трехъ-фунтовыми фалконетами, въ замѣнъ полевыхъ пушекъ. Послѣ того условлены сигналы и сдѣланъ опытъ: во сколько времени сгараетъ фитиль извѣстной длины, дабы, если случится

взорвать пороховой погребъ, люди могли заблаговременно думать о своей безопасности.

На другое утро, послѣ молитвы зоревой, громко прочтенъ приказъ, гдѣ воинамъ объявлена воля начальства и приведено въ память «что побѣдителемъ обыкновенно остается тотъ, кто упорнѣе сражается.» Въ 9 часовъ утра, всѣ наши корабли, сообразно плану атаки, подошли въ боевомъ порядкѣ на картечный выстрѣлъ къ крѣпости; Турки не замедлили открыть по нихъ огонь и сначала стрѣляли необычайно мѣтко, но коль скоро корабли бросили якорь, и экипажи ихъ, управясь, начали дѣйствовать картечью, непріятель замѣшался и попадалъ гораздо рѣже.

Не прошло получаса послѣ начала перестрѣлки, когда гребныя суда, нагруженныя десантомъ, поплыли къ берегу; между тѣмъ бриганшина съ катеромъ придвинулись къ нему какъ можно ближе, покровительствовать высадкѣ. Гребныя суда плыли въ баталіонномъ порядкѣ, такъ что люди, выскочивъ на берегъ, могли немедленно занять свои мѣста и выстроиться къ бою. Тихій попутный вѣтеръ сопровождалъ отважныхъ; черезъ $\frac{1}{4}$ часа высадка уже была на сушѣ, въ $1\frac{1}{2}$ верстѣ отъ первой баттареи, и воины фронтомъ двинулись впередъ.

Спустившись на землю непріятельскую и не-

извѣстную, удаленные отъ флота, отъ всякаго пособія, они могли надѣяться только на Бога и на самихъ себя. Инада окружена множествомъ деревень богатыхъ; къ югу въ 18 верстахъ лежитъ городъ Мидія; къ сѣверу въ 15-ти деревня Резвѣ; къ западу въ горахъ видѣлось еще третье большое селеніе. Начальникъ ободрялъ офицеровъ, офицеры служителей. Вдругъ увидѣли сигналъ фрегата Поспѣшнаго, что со стороны сѣвера приближаются Турки; это еще болѣе воспламенило храбрыхъ; они быстрѣй пошли впередъ, и черты ихъ изображали увѣренность въ успѣхѣ. Зная, что единственное средство, совершить дѣло счастливо, была быстрота неутомимая, Командиръ установилъ не брать ни куска пищи до полнаго окончанія подвига; офицеры, рядовые громко воскликнули: «рады!» и послѣдствіе доказало, сколь они тверды въ послушаніи.

Непріятель показался; онъ вышелъ на встрѣчу, оспорить узкій проходъ къ баттареѣ между моремъ и болотомъ; наши сдѣлали по немъ убійственный залпъ и съ крикомъ: ура! бросились въ штыки; онъ разбѣжался въ лѣсъ и они двумя мѣстами ворвались въ редутъ, потерявъ одного убитаго на мѣстѣ и четырехъ раненыхъ. Турковъ легло 12; трое достались въ плѣнъ.

Но сей успѣхъ еще ничего не значилъ, доколѣ оставалось взять другой редутъ, который при-

мыкая къ третьему и составляя съ нимъ родъ цитадели, обнималъ внутри себя грозную башню, и казался несравненно опаснѣе перваго. Капитанъ Критскій, не теряя ни минуты, устремился къ оному, оставивъ для защиты взятаго укрѣпленія 60 человѣкъ подъ начальствомъ Лейтенанта Конорани; сему офицеру отдалъ онъ въ распоряженіе и всѣ гребныя суда, приказавъ нагрузить на нихъ легчайшія изъ пушекъ, въ укрѣпленіи найденныхъ, и заклепать остальныя.

Капитанъ могъ едва удерживать нетерпѣливыхъ воиновъ; онъ велъ ихъ стройно, тихимъ шагомъ, ежеминутно ожидая огня непріятельскаго. Но его предусмотрительность обманута была оплошностію Турковъ: и такъ уже тревожимые пальбою фрегатовъ, они не разсудили ждать новаго напуска и бѣжали изъ редута въ сосѣдственныя горы.

Инада была наша; но по всему надлежало опасаться, что скоро непріятель возвратится задавить насъ превосходной силою. Теперь нужна была вся дѣятельность храбраго отряда, чтобы исполнить цѣль атаки и до возврата непріятеля забрать на суда всю артиллерію редутовъ. Въ коротkое время составлена у берега пристань изъ пушечныхъ станковъ, и весь неимовѣрный трудъ переноски окончанъ въ продолженіе 5-ти часовъ времени, послѣ чего десантъ благополучно

возвратился на фрегаты въ 8 часовъ вечера, съ потерею одного только рядоваго.

Между тѣмъ догоралъ фишпиль, оставленный подъ башнею, гдѣ хранился порохъ и другіе снаряды. Ночь была ясна, море спокойное плескалось волнами вкругъ судовъ нашихъ. Въ 10 часовъ вечера, вдругъ показался большой пламень, непосредственно за нимъ густое облако дыма, и въ тотъ-же мигъ разразился такой громъ, что оба фрегата закачались, а на шлюпѣ, стоявшемъ всѣхъ ближе отъ берега, лопнули всѣ стекла. Гранаты, брандскугели, патроны, скорострѣльныя трубки, съ трескомъ летали во всѣ стороны по воздуху, и, какъ волшебный фейерверкъ, браздили небосклонъ огнистыми чертами. Огромные каменья заносило къ самымъ фрегатамъ нашимъ, болѣе чѣмъ за полверсты разстоянія отъ берега.

Лишь на другой день можно было видѣть всѣ послѣдствія побѣды. Не оставалось ни одного слѣда не только Турецкой башни, но и редута, ее окружавшаго: все было разрушено силою вчерашняго взрыва. Всѣ домы, магазины, все, что горѣть могло въ Инадѣ, досталось пламени въ добычу. Если присовокупить вышепоказанное нами количество запасовъ и снадобьевъ воинскихъ, кои хранились въ башнѣ и всѣ истреблены при этомъ случаѣ, то можно вообразить себѣ вредъ, нанесенный Туркамъ сею высадкой. Во власти побѣдителей остались, кромѣ трехъ тяжело ране-

ныхъ плѣнниковъ, 12 орудій, въ числѣ которыхъ было 5 пушекъ, 4 мѣдныхъ и 3 чугунныхъ единорога. Непріятелей, занимавшихъ редуты наканунѣ, по соображеніямъ о числѣ палатокъ, покрывавшихъ берегъ, и по другимъ признакамъ, могло быть не менѣе трехъ сотъ. Будь они менѣе оплошны, трудно-бы прогнать ихъ изъ укрѣпленій, устроенныхъ по всѣмъ правиламъ искусства.

Яркій восходъ солнца освѣтилъ наше торжество. На берегу дымились развалины Инады; отъ нихъ не вдалекѣ толпилось великое число Турецкой конницы, собравшейся ночью, но еще не дерзающей приблизиться. Въ сіе время Командиръ велѣлъ изготовить корабли къ отплытію, но прежде прочтенъ отъ его имени приказъ, гдѣ онъ, благодаря Офицеровъ и нижніе чины за оконченный подвигъ, обѣщалъ довести ихъ усердіе до свѣдѣнія высшаго начальства. Отвѣтомъ было громкое, продолжительное: ура! Корабли снялись съ якорей, и восклицанія торжественныя не умолкали до тѣхъ поръ, пока могли они достигать устрашеннаго слуха недвижныхъ непріятелей.

БЕСѢДА

Кембриджскихъ Профессоровъ съ Московскимъ Митрополитомъ Платономъ въ 1800 году (*).

При посѣщеніи нашемъ Московскаго Митрополита Платона въ Перервинскомъ монастырѣ, гдѣ помѣщается Семинарія въ довольно близкомъ разстояніи отъ города, мы удивлены были противоположностью великолѣпія, среди коего прежде видѣли сего Архипастыря. Давно я искалъ случая говорить съ симъ знаменитымъ человѣкомъ; онъ былъ наставникомъ Павла I-го; переписка съ Дютинсомъ давно сдѣлала его извѣстнымъ въ Англіи.

По пріѣздѣ нашемъ въ монастырь, намъ сказали, что Платонъ прогуливается въ саду, обрабатываніе коего составляло его главное удовольствіе, что показывало невинность и простоту его нрава. Въ саду мы нашли его сидѣвшимъ на дерновой скамейкѣ, подъ окнами монастырской трапезы, съ престарѣлымъ Епископомъ, его Викаріемъ, настоятелемъ монастыря и нѣсколькими

(*) Отрывокъ изъ Путешествія Э. Д. Кларка по Россіи, Турціи и Татаріи.

монахами: я не вѣрилъ своимъ глазамъ, когда мнѣ сказали, что это *Платонъ*. Какъ я его часто видалъ въ Архіерейскомъ облаченіи, то мнѣ невозможно было его узнать въ простой одеждѣ, которая его совершенно перемѣнила. Онъ былъ въ полосатомъ шелковомъ халатѣ, въ колпакѣ на головѣ; на ногахъ были шерстяные чулки, а сверхъ оныхъ носки самой грубой работы; онъ тогда былъ безъ туфлей; въ нѣкоторомъ разстояніи я примѣтилъ желтыя туфли, а возлѣ него на той-же скамейкѣ лежала шляпа съ широкими полями, похожая на шляпы Альпійскихъ пастуховъ, и въ дополненіе сходства съ ними, букетъ увядшихъ цвѣтовъ приколотъ былъ къ шляпѣ. Его сѣдая борода, кротость и одушевленіе въ чертахъ лица, придавали ему самую пріятную выразительность. Онъ пожелалъ узнать, кто мы таковы, и узнавъ, что мы Англичане, сказалъ: «Какъ! всѣ Англичане? Дивлюсь, что̀ могли найдти «столь занимательнаго въ Россіи ваши соотече- «ственники, дабы оставить свое отечество.» — Сказавъ это по Французски, онъ обратился къ монахамъ, спросилъ ихъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, понимали-ли они по Французски; но увѣрившись, что этотъ языкъ имъ былъ совершенно неизвѣстенъ, онъ посадилъ меня возлѣ себя, а другіе сдѣлали около насъ кружокъ, и онъ началъ съ нами разговоръ, въ коемъ показалъ свою ученость, умъ и чистосердечіе, удивительные для

всѣхъ путешественниковъ въ такой странѣ и въ такое время. Едва-ли моя память удержала и часть разговора, который относился къ нравамъ его соотечественниковъ. «Вы, можетъ быть, на «меня смотрите, какъ на предметъ любопыт- «ства, и находите меня въ сію минуту гото- «вымъ къ вашимъ наблюденіямъ, сказалъ онъ мнѣ, «показывая на шерстяные чулки и странный свой «нарядъ. Вы видите старца, согбеннаго подъ бре- «менемъ лѣтъ и недуговъ.» — Я отвѣчалъ, что имѣлъ честь видѣть его, окруженнаго отличнымъ великолѣпіемъ, въ ночь Свѣтлаго Воскресенія, въ Успенскомъ Соборѣ, въ Кремлѣ.—«А что вы ду- маете объ этомъ торжествѣ?»—Я объ немъ ду- маю, какъ объ самомъ великолѣпномъ, какое я только видѣлъ, не исключая и благословенія въ Римѣ. — «И прогательномъ, примолвилъ Пла- тонъ.»—Конечно, отвѣчалъ я.—Услышавъ это, онъ улыбнулся, пожалъ плечами и сказалъ: «Вы про- «вели только одну ночь, чтобъ видѣть обрядъ «той вѣры, которой не исповѣдуете, и называе- «те этотъ обрядъ прогательнымъ!» —

Потомъ мы осматривали садъ, любовались кра- сотою мѣстоположенія и ясностью воздуха. «Не «предпочитаете-ли вы нашъ климатъ вашему,» спросилъ Митрополитъ меня.—Я отвѣчалъ, «что «если сказать правду, то я нахожу Русскій кли- «матъ суровымъ; но здѣсь зима не такъ сыра, «какъ въ Англіи, и воздухъ чистъ и сухъ.»—«О!

« весьма сухъ, » сказалъ онъ, « вотъ отъ этого-« то посохли у насъ плодовитыя деревья. » —

Потомъ онъ меня спрашивалъ, куда я ѣду изъ Россіи, и узнавъ, что въ Татарію и Константинополь, сказалъ : « Сохрани васъ Боже! какое пу-« тешествіе? Но для Англичанъ нѣтъ ничего « труднаго; они объѣздили всѣ части свѣта. Мой « братъ путешествовалъ ; онъ воспитывалея въ « вашемъ отечествѣ, въ Оксфортѣ (*); а я боль-« ше нигдѣ не бывалъ, какъ въ Петербургѣ и Мо-« сквѣ (**); однакожъ мнѣ было-бы пріятно путе-« шествовать, если-бъ открылся случай. У меня « любимое чтеніе : *Описаніе путешествій*; « недавно я читалъ *Путешествіе Лорда Ма-« картнея,* » (и сіи слова онъ произнесъ съ значительною улыбкою, которую легко можно было понять). Потомъ опять переходя къ воспитанію своего брата, онъ сказалъ : « Англичане его вы-« учили говорить по своему. Онъ на Англійскій ма-« неръ началъ-было проповѣдывать намъ Русскимъ;

(*) Алексѣй Левшинъ. См. Письмо въ 1769 г. изъ Оксфорта Ѳомы Новелла, которому поручилъ надзоръ за ученіемъ брата своего. Fasciculus litterarum, quas præclari viri dederunt ad Emin. D. Platonem, Archiepiscopum Mosq. Petropoli. 1776.

(**) Въ 1804 г. Платонъ путешествовалъ въ Кіевъ и описалъ свое путешествіе, изданн. послѣ смерти его.

«его проповѣди сколь прекрасныя, сколь цвѣ-
«тущія, въ самомъ дѣлѣ превосходныя проповѣди,
«всѣ были переведены съ Англійскаго. Нѣкото-
«рые изъ вашихъ Богословъ пишутъ очень хо-
«рошо, но съ неприличною вольностію. Разъ бы-
«ло разсуждаемо въ одной проповѣди, имѣетъ-ли
«право народъ низлагать своего Короля?»

Митрополитъ очень сердился на Дютинса, что онъ напечаталъ его съ нимъ переписку безъ его позволенія; потомъ онъ говорилъ объ Вольтерѣ и его перепискѣ съ Императрицею Екатериною. «Я Ее не видалъ никогда такою веселою и въ «такомъ любезномъ расположеніи духа, когда Она «могла мнѣ сказать, что получила письмо отъ «Вольтера.»

Онъ намъ показывалъ комнаты прежняго Патріарха, который основалъ монастырь и построилъ церковь; онъ хотѣлъ ихъ сохранить въ прежнемъ видѣ. Келліи составляли маленькія готическія комнаты со сводами, гдѣ даже не было и библіотеки. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ узнать, есть-ли въ какихъ-нибудь библіотекахъ переводы классическихъ авторовъ на Славянскомъ языкѣ; онъ мнѣ сказалъ, что «нѣтъ, и что ниче-
«го не знаетъ достойнаго замѣчанія до временъ «Патріарха *Никона*. Какъ я зналъ, что Платонъ весьма свѣдущъ въ Славянскомъ языкѣ, то и спросилъ у него, какое имѣетъ сей языкъ отношеніе съ Русскимъ. Онъ мнѣ сказалъ, что они

почти одинаковы; что все различіе заключается въ разныхъ нарѣчіяхъ, и что ни тотъ, ни другой ни малѣйшаго не имѣетъ сходства съ Финскимъ языкомъ.

Въ здѣшней Семинаріи до 150-ти воспитанниковъ обучаются Риторикѣ, Латинскому и Греческому языкамъ; послѣ опредѣленнаго времени ихъ посылаютъ для окончанія наукъ въ Москву, въ другія Семинаріи. Церковь высока и обширна; престолъ, гдѣ совершаютъ таинства, такой-же, какъ и въ другихъ Греческихъ и Русскихъ церквахъ, поставленъ въ алтарѣ за иконостасомъ; въ алтарь не позволяется входить женщинамъ.

Митрополитъ былъ въ нашей церкви въ Петербургѣ, и онъ замѣтилъ, что у насъ престолъ всегда открытъ, кромѣ того времени, когда совершаются таинства. «Это бережливость, которая непонятна и не сходна съ благочестіемъ и свободою Англійскаго народа.» Что́бы онъ тогда сказалъ, когда-бы увидѣлъ наши престолы приходскихъ церквей въ нашихъ провинціяхъ? Въ Россіи престолы покрываются самыми дорогими тканями, какія только можно достать, и, по большой части, бархатомъ и парчею.

28-го Мая мы видѣли Платона въ большомъ великолѣпіи въ Москвѣ, на похоронахъ Князя Голицына, въ церкви близъ Кузнецкаго моста. Въ головахъ гроба на каѳедрѣ своей сидѣлъ Митропо-

липъ, и по обѣимъ сторонамъ стояло нисшее духовенство съ зажженными въ рукахъ восковыми свѣчами, по обыкновенію въ богатѣйшихъ облаченіяхъ. Отпѣваніе началось въ 10 часовъ утра. Получивъ дозволеніе присутствовать, мы стали между зрителями близъ самаго Митрополита. Пѣніе было высокое и торжественное. Можно было подумать, что пѣвчіе помѣщены въ самомъ куполѣ церкви. Всѣ молитвы оканчивались безпрестаннымъ повтореніемъ возгласа: *Господи помилуй*. Въ то время, когда Митрополитъ обернулся, чтобы благословлять, примѣтивъ насъ, прибавилъ по Латынѣ: *pax vobis-cum* (миръ вамъ), къ великому удивленію Русскихъ, которые не понимая сихъ новыхъ выраженій, перешептывались между собою. Сперва кадили иконамъ, а потомъ присутствовавшимъ; церемонія кончилась; Митрополитъ прочелъ въ слухъ отпускную, въ коей означалось, что умершій исповѣдывалъ истинную вѣру, что онъ исповѣдывался и причащался святыхъ таинъ, и что ему разрѣшены грѣхи. Потомъ оборотясь къ намъ въ то время, когда клали въ гробъ сію бумагу, сказалъ намъ по Латынѣ: «это то, что вы иностранцы назы-«ваете *паспортомъ*; вы, думаю, читали въ «своихъ путешествіяхъ, что Русскіе увѣрены, «будто безъ этого не льзя попасть въ рай; «но я вамъ изъясню, что сіе дѣйствительно зна-«читъ сей обрядъ, дабы вы могли опять меня

« увѣрить соотечественниковъ, что это ничто « иное, какъ письменное свидѣтельство о смер- « ти. » — Но потомъ примолвилъ онъ не такъ сурово: « Я полагаю, что вы все это опише- « те и, безъ сомнѣнія, Я когда нибудь увижу « картину, представляющую сіи похороны и « дряхлаго Митрополита, который даетъ опи- « пускную грамоту покойнику. » —

(Перев. Кн. А. Др. Ск–ій.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЛИЛІЯ.

(Изъ Аттербома).

Я мила-ль сребристыми звѣздами?
Добрый путникъ! нѣжными слезами
Ликъ мой блѣдный влажишь ты любя!
Въ рощѣ, луннымъ свѣтомъ осіянной,
Я росы питаюсь дивной манной;
Нервы сердца оживаютъ снова
И мой вздохъ привѣтствуетъ тебя!

Путникъ, знаешь-ли? я ангелъ плѣнный,
Вспоминаньемъ грустно наклоненный:
Чѣмъ была я, цвѣтъ мой говоритъ!
Братъ мнѣ лебедь въ океанѣ бурномъ,
А луна сестра мнѣ, на лазурномъ
Небѣ, лилія другаго міра—
Вотъ свѣтило межь Божьихъ звѣздъ блеститъ!

Слушай: стонетъ лилія земная!
Помню дѣтства жизнь, когда цвѣла я
На востокѣ ... родиной моей
Благовонной былъ Эдемъ чудесный;
О любви духовъ святой, небесной,
Близъ меня голубка ворковала
Между померанцовыхъ вѣтвей.

И заря сидѣла молодая
На холмѣ; я, по̀ небу летая,
Любовалась: міра свѣтлый шаръ
Пышно цвѣлъ, восторгомъ жизнь дышала
И весна на розахъ возлегала;
Духи всѣ во слѣдъ за мной, и пѣли:
«О смиренье, Бога лучшій даръ!»

Вотъ Адамъ, представъ мнѣ: «Ангелъ-дѣва,
Лилія! молю, внемли безъ гнѣва:
Будь моей невѣстой,» говорилъ;
«Я одинъ въ раю: мнѣ нѣтъ подруги!»
«Дерзкій сынъ земли! ищи супруги,
(Я въ отвѣтъ) какъ самъ ты, земнородной;
Только богъ богинѣ будетъ милъ!»

Бога тронулъ онъ любви тоскою;
Гнѣвный Богъ послышался грозою:
«Гордая! земная будь и ты!
При концѣ временъ тебя прощая,
Вновь судья врата отверзетъ рая!
Знай: не отверженье нисшей твари
Грѣхъ—своей познанье высоты!»

Вздрогнувъ замерла я; гасли силы;
Помню только: съ плечъ упали крылы,
Смолкнулъ хоръ, исчезъ Еговы тронъ!
Я проснулась въ узахъ... свѣтъ тюремный!
Для видѣній высшихъ очи темны,
И напрасно слухъ свой напрягаю:
Долетитъ-ли долу райскій тонъ!

Кратко лѣто—и мѣшаютъ бури
Возноситься мыслямъ къ той лазури,
Къ прежней, милой родинѣ моей!
Но меня зефиръ лишь полелѣетъ
Горнихъ арфъ отзывомъ, то и взвѣетъ
Къ тѣмъ мѣстамъ надежду, гдѣ прекрасно
Пѣлъ при тронѣ Божьемъ соловей.

Мнѣ подобенъ будь ты чистотою;
Возносися свѣтлою душою,
Сердце вѣчной Вѣрой оживляй—
И родные мы въ своемъ паденьѣ,
Мы земной юдоли украшенье!
Испытанье минетъ.... возвратятъ намъ
Крылья наши, юность, прежній рай!

Всякаго съ меня листа срыванье,
Всякое при васъ сносимѣй страданье,
Чисто-голубыя небеса!
Око ночи, горнія лампады!
Къ вамъ подъемлю радостные взгляды
Въ часъ таинственный, когда погибнетъ
Здѣсь моя смиренная краса!

Если вѣешъ въ сердцѣ чарованье;
Если слышишь нѣкое шептанье,
Будто свыше друга гласъ святой;
Если видишь въ западѣ багряномъ,
Какъ въ чертогѣ неба злато-рдяномъ,
Тѣнь родную, слезъ твоихъ причину,
И вотще искомую тобой:

Знай, тогда сребристыми звѣздами
Я милѣй, чѣмъ дѣвы между вами:
Мной въ тебѣ рожденъ чудесный жаръ!
Для невѣсты юной ты, мечтая,
Просишь блеска бѣлой дѣвы рая,
И въ груди святое шепчетъ чувство:
«*О смиренье, Бога лучшій даръ!*»

Баронъ Розенъ.

АРФА.

Мнѣ говорятъ, что арфа золотая,
Дрожащая подъ дланію моей,
О другъ, была Сирена молодая;
Звучала пѣснь красавицы морей,
День гасъ—она моря переплывала
И юношу на брегѣ ожидала!

Напрасно! онъ не понялъ страсти нѣжной,
Не разгадалъ небеснаго чела!
На локоны, бѣгущіе небрежно,
Она вотще потоки слезъ лила!
Ея тоскѣ тогда лишь небо вняло —
И въ дѣвѣ все златою арфой стало!

Ея чело всегда цвѣтетъ улыбкой,
Какъ прежде грудь высокою волной!
И дѣвы станъ тогда согнулся гибкой!
Съ власовъ слеза струилась за слезой
И слезы тѣ струнами арфы стали,
Когда на длань жемчужную упали!

Ротчевъ.

На смерть А. П. Эссена.

Онъ палъ—и храбраго могила,
Какъ одинокій цвѣтъ степей,
Мрачна, печальна и уныла,
Одна, далеко отъ друзей.
Ахъ! не придутъ къ тебѣ съ слезами
Оплакать прахъ любезный твой;
Не будутъ жадными устами
Лобзать могилы роковой.
Напрасно мать, сестра съ тоскою
Въ степи пойдутъ тебя искать;
Не мраморъ пышный надъ тобою
Тамъ будетъ взоры удивлять,
Но черный крестъ въ пескѣ глубокомъ
Прахъ осѣняетъ милый твой,
И путникъ скажетъ съ тяжкимъ вздохомъ:
Да будетъ миръ съ твоей душой!

Ек. Т—ва.

Мегеммедъ.

Нисшелъ Пророкъ, посланникъ новый неба :
Боготворитъ его Аравіи народъ;
Эмина (*) видитъ въ немъ свой первый плодъ,
И вѣтвь цвѣтущую потомства Мушалеба (**);
Но онъ плодомъ земныхъ себя не признаётъ.

Онъ говоритъ : « Есть Богъ, сыны востока!
Для вѣрныхъ онъ меня на землю ниспослалъ;
Кто противъ Бога и Пророка?
На небѣ громъ, а здѣсь!.... » онъ умолчалъ;
Но ярко мечъ въ рукѣ пророческой сверкалъ.

« Востокъ! тебѣ на лонѣ Абраэма
Отверзты горнія, сапфирныя врата,
И вѣчный цвѣтъ любви подъ альмами Эдема
Готовитъ сладкія объятья и уста! »

Кто не повѣритъ истинамъ Корана,
Огонь и мечъ ему во слѣдъ!
Арабовъ, посреди воинственнаго стана,
Закону праведному учитъ Мегеммедъ.

А. Вельтманъ.

(*) Эмина—мать Мегеммеда.
(**) Мушалебъ—его дѣдъ.

Къ Помпею Вару (1).

O sæpe mecum tempus in ultimum
Deducte, Bruto militiæ duce,
Quis te redonavit Quiritem
Diis patriis, Italoque cœlo,
Pompei, meorum prime sodalium!
Horat. Lib. II. Ode 7.

Повѣдай мнѣ о, Варъ въ бояхъ товарищъ мой,
Дѣлившій бѣдствія на поприщѣ единомъ!
Кто возвратилъ тебя богамъ сираны родной,
Достойнымъ чести гражданиномъ (2)?

Воспомни время то, какъ медленны часы
Съ тобою пѣнистымъ виномъ мы сокращали,
И ароматами облитые власы
Сирійскимъ нардомъ (3) мы вѣнчали.

При Филиппіяхъ (4) я съ тобой позоръ нашъ зрѣлъ:
Тамъ, бросивши мой щитъ (5) въ постыдной самой долѣ,
Я видѣлъ гибельный воителей удѣлъ,
Костьми устлавшихъ ратно поле.

---

(1) Сей самый Помпей Варъ служилъ вмѣстѣ съ Гораціемъ, подъ знаменами Брута и Кассія.

(2) Ибо онъ прежде былъ изгнанникомъ.

(3) Благовонное растеніе.

(4) Мѣсто, гдѣ Брутъ и Кассій побѣждены были Августомъ и Антоніемъ.

(5) Храбрость не всегда бываетъ удѣломъ великихъ умственныхъ способностей: Горацій сему примѣръ; онъ чистосердечно сознается своему другу въ своей трусости.

Меркурій не отдалъ меня во власть врагамъ;
Скрывъ облакомъ, унесъ изъ сѣчи той кровавой;
А ты, по бурнымъ вновь помчался, другъ, волнамъ,

Стремясь за смертью, иль за славой.

Устрой-же торжество, обѣщанно тобой
Зевсу сильному, водителю къ спасенью!
И утомленные ты члены успокой

Деревьевъ лавровыхъ подъ сѣнью.

Массійскимъ нектаромъ бокалы наполняй:
Потопимъ въ ней всю грусть и всѣ заботы наши,
И благовонія душисты изливай

Изъ полной и обширной чаши!

Кто-жь будетъ намъ вѣнки изъ миртовъ подносить?
Кому главою быть пріятельскаго круга?
Не устыжусь самихъ Эдоновъ (*) больше пить,

Безцѣннаго увидя друга!

А. Кирѣевъ.

(*) Народъ Оракійскій, извѣстный въ древности необыкновенною склонностію къ пьянству. Прим. Пер.

Разбойники, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. Шиллера; переводъ съ Нѣмецкаго. Москва, 1828 г.

« Вотъ, наконецъ мы имѣемъ въ переводѣ и « Разбойниковъ Шиллера, » скажетъ почитатель геніяльной Музы Германскаго поэта, не видавъ еще перевода. Но, такъ обманчивы всѣ наши надежды и радости! Русскіе Разбойники на Шиллеровыхъ похожи столько же, сколько жоко похожа на человѣка. Правда: вы найдете тѣже имена дѣйствующихъ лицъ, тоже число дѣйствій; явленія другъ за другомъ слѣдуютъ въ томъ-же порядкѣ— и болѣе ничего. Дѣло въ томъ, какъ говорятъ эти дѣйствующія лица? Г. Переводчикъ въ семъ случаѣ поступалъ деспотически: онъ прибавлялъ, убавлялъ, перемѣнялъ, какъ ему приходило въ голову, и по всему можно замѣтить, что онъ плохо владѣетъ языкомъ Русскимъ, и хотя знаетъ языкъ Нѣмецкій, но во многихъ мѣстахъ вовсе не понимаетъ глубокихъ мыслей Германскаго поэта. Скажемъ здѣсь мимоходомъ, что Разбойники, начатые Шиллеромъ въ Штутгардской школѣ (Karlsschule), и изданные имъ въ 1781 году, « плодъ геніяльной юношеской нетерпѣливости и суроваго воспитанія» были первымъ драматическимъ его твореніемъ. Любопытно слышать, какъ самъ Авторъ говоритъ о себѣ: » Наклонность къ поэзіи оскорбляла постановленія школы, въ которой я воспитывался, и противорѣчила намѣреніямъ ея учредителя. Восемь

лѣтъ мой энтузіасмъ боролся съ военными правилами этой школы, но страсть къ поэзіи пылка и сильна, какъ первая любовь; то, что, казалось-бы, должно было погасить, болѣе и болѣе ее раздувало. Дабы избѣжать отношеній, которыя служили мнѣ пыткою, я улеталъ сердцемъ въ міръ идеальный, не вѣдая дѣйствительнаго, отъ котораго отдѣленъ былъ жезломъ желѣзнымъ, не зная людей, ибо четыреста человѣкъ, окружавшихъ меня, были *одно* существо, вѣрная отливка одной и той-же модели, отъ которой пластическая природа торжественно отказалась, незнакомое съ наклонностями свободныхъ, самимъ себѣ на произволъ оставленныхъ людей, потому, что здѣсь была только одна привычка, которую назвать не хочу. Всѣ прочія силы человѣка были угнетены одною, судорожною, напряженною силою: всякая особность, всякая непринужденность въ безчисленныхъ оттѣнкахъ играющей природы, погибала въ правильныхъ темпахъ господствующаго порядка. Незнакомый съ прекраснымъ поломъ, потому, что двери школы отворялись, какъ узналъ я послѣ, женщинамъ въ тѣхъ лѣтахъ, когда онѣ не имѣютъ уже ничего привлекательнаго, или, когда онѣ уже потеряли всю прелесть, незнакомый съ людьми, съ судьбою человѣка, очень естественно, не могъ я найдти средней линіи, проходящей между ангеломъ и демономъ, и нарисовалъ чудовищъ, которыхъ, по счастію, не видимъ въ природѣ, и которыхъ желалъ-бы я обезсмертить для того только, чтобы мое созданіе могло служить вѣчнымъ примѣ-

ромъ противо-естественныхъ связей угнетенія съ геніемъ. »

Произведеніе сего рода нельзя было рѣшиться переводить человѣку, какъ по всему видно, незнакомому съ философіей и чуждому поэзіи, не льзя было переводить, потому только, что оно писано въ прозѣ, а не въ стихахъ. Не ужели думаетъ Г. Переводчикъ, что труднѣе написать дюжинные стихи, нежели передать геніяльное твореніе въ прозѣ? Нѣтъ! Разбойники Шиллера должны быть переданы на языкъ отечественный, человѣкомъ » *съ эластическою грудью, полною дыханія и крови*,« какъ говоритъ Жанъ-Поль.

Признаюсь: мнѣ не нравятся такого рода сужденія: *переводъ вообще хорошъ, духъ выдержанъ* или *не выдержанъ* — и только! Пожалуй, такимъ образомъ я могъ-бы сказать свое мнѣніе о Китайскомъ языкѣ, котораго не вѣдаю, и кто не въ состояніи написать подобный разборъ? Потому, я не намѣренъ говорить безъ доказательствъ, и не хочу осуждать, не выслушавъ подсудимаго; да и за чѣмъ мнѣ судить? Пусть самъ Шиллеръ обвинитъ Г-на Переводчика. Сравнимъ подлинникъ съ переводомъ.

Дѣйств. II-е. Явленіе 1. *Францъ Моръ.* » Нѣтъ, ужь это для меня слишкомъ продолжительно! Докторъ подаетъ надежду — жизнь старика мнѣ кажется цѣлою вѣчностію. »

Послѣ словъ: *цѣлою вѣчностію*, Г. Переводчикъ пропустилъ нѣсколько строкъ; это очень естествен-

но : онѣ показались ему затруднительны и непонятны. Вотъ они : » И мнѣ-бы очистилась про-» сторная и гладкая дорога къ этимъ досаднымъ » тягучимъ клочкамъ мяса, которое, какъ гово-» рится въ сказкахъ, словно подземный драконъ, » загораждаетъ мнѣ путь къ моимъ сокровищамъ. » (Und nun wäre freie, ebene Bahn bis auf diesen ärgerlichen zähen Klumpen Fleisch, der mir, gleich dem unterirdischen Zauberhund in den Geistermährchen, den Weg zu meinen Schätzen verrammelt.)

Слова перевода далѣе : » Не ужели предпріятія мои должны *уничтожиться подъ* желѣзнымъ *гнетомъ* механизма? » У Шиллера : » Не ужели мои предпріятія должны склониться подъ желѣзное ярмо » механизма ? » (müssen denn aber meine Entwürfe sich unter das eiserne Joch des Mechanismus beugen). Переводчикъ продолжаетъ : » Не ужели парящій духъ мой долженъ сковаться медленнымъ ходомъ матеріи ? — Поэтъ говоритъ вмѣсто этого : » Не ужели мой горѣ парящій духъ долженъ раболѣпно слѣдовать за веществомъ, ползущимъ, какъ черепаха ! (soll sich mein hochfliegender Geist an den Schneckengang der Materie ketten lassen ?)—Переводъ : » Затушитъ искру, едва поддерживающуюся послѣдними каплями масла. » Въ подлинникѣ : « Стóитъ только задуть пламя (ein Licht ausgeblasen), оживляемое (das noch wuchert) послѣдними каплями масла. — » Переводъ : Однакожъ я не желалъ-бы сдѣлать (не лучше-ли : мнѣ-бы не хотѣлось) это самъ — » опасаясь людей (um der Leute willen), прибавлено у Шиллера. Переводчикъ продолжаетъ : « Въ какомъ тѣсномъ *соединеніи*

находится расположеніе духа *съ движеніями машины* »; у Поэта читаемъ: »Какъ гармонически созвучно (wie treffend die Stimmungen des Geistes) расположеніе духа съ отправленіями организма (mit den Bewegungen der Machine zusammen lauten). У Переводчика: » Что если-бы кто *проложилъ* смерти *путь* въ царство жизни, сею еще не *обработанной дорогой*; въ подлинникѣ находимъ: » Что, если-бы кто умѣлъ уравнять смерти еще непроложенный путь въ замокъ жизни (wer es verstünde, dem Tod diesen ungebahnten Weg in das Schloss des Lebens zu ebnen)? Переводъ: « Какія чувства вооружить; » у Шиллера: » Которое-же изъ нихъ (т. е. ощущеній Empfindnissen) мнѣ выбрать (wählen).» Переводъ: »Какая страсть можетъ сильнѣе *терзать*»— въ подлинникѣ: »Которое-же изъ нихъ гибельнѣе для цвѣта жизни (welche wol den Flor des Lebens am grimmigsten anfeinden).— Переводъ: » Гнѣвъ? нѣтъ, это жадный *тигръ* (въ подл. *волкъ*), и т. д. » *Опасеніе— пресмыкается, какъ улитка* ». — Совершенно не такъ! У Шиллера сказано: »Заботы (Sorge)—» но эти черви точатъ медленно (dieser Wurm nagt mir zu langsam).»—Далѣе: »Скорбь? *грызетъ*, но продолжительно. » Опять таки не такъ: » Скорбь! но эта эхидна пресмыкается тихо (diese Natter schleicht mir zu träge). » Страхъ — но надежда не даетъ ему овладѣть собою (die Hoffnung lässt sie nicht umgreifen).» Переводчикъ продолжаетъ: » Чего не можетъ произвесть *внезапный ужасъ*? (въ подл. *испугъ*, Schreck). Вѣра, надежда, разумъ, ничто не можетъ противиться *хладнымъ объятіямъ сего исполина.* » У Шил-

лера сказано : » И что́ умъ , религія предъ ледяными объятіями сего гиганта? »— Переводъ : » О , *тогда* придите ко мнѣ на помощь—*горесть* , и ты , адская *Эвменида* , *раскаяніе* ! » Опять невѣрно : Jammer не горесть , а скорѣе *печаль* , или *тоска* ; послѣ существительнаго : *раскаяніе* , у Г. Переводчика опять пропущено нѣсколько строкъ , а именно: » Раскаяніе , ты , роющаяся змѣя (grabende Schlange), » пережовывающая свою пищу и пожирающая соб- » ственное свое изверженіе (Koth) , ты , вѣчно уни- » чтожающая и возсоздающая ядъ свой. » — Далѣе : » И ты , ревущее самообвиненіе , опустошающее собственное свое жилище. »— Слово : *ревущее* , не точно ; у Шиллера сказано : *завывающее* (heulende). Послѣ существительнаго: жилище, опять пропускъ— *и уязвляющее родную мать свою.* Потомъ читаемъ въ переводѣ : » Тихо улыбающееся *воспоминаніе* , и ты, цвѣтущая будущность , и улетая покажите ему всѣ радости неба.» Въ подлинникѣ тоже , да не то : » Тихо улыбающееся прошедшее , и ты , » переполненный рогъ Амалѳеинъ—цвѣтущая будущ- » ность , покажите ему въ зеркалахъ вашихъ радо- » сти неба , межъ тѣмъ , какъ легкими стопами » будете удаляться изъ скупыхъ его объятій » (sanftlächelnde *Vergangenheit* , und du mit dem überquellenden Füllhorn, blühende *Zukunft*, haltet ihm in euren *Spiegeln* die Freuden des Himmels vor , wenn euer fliehender Fuss seinen geitzigen Armen entgleitet).

Для доказательства довольно одного этого отрывка. Вотъ, кажется, главныя правила, которыми руководствовался Г. Переводчикъ : тамъ , гдѣ Шил-

леръ былъ для него непонятенъ, онъ ставилъ свое, или вовсе пропускалъ; если эпитетъ, употребленный поэтомъ, не клеился по Русски, онъ его замѣнялъ самымъ обыкновеннымъ и пошлымъ; словомъ: вездѣ передавалъ почти только смыслъ подлинника, устраняя нерѣдко всю метафорическую *образность* (Bildlichkeit, если позволятъ мнѣ это выраженіе), которая казалась слишкомъ неприличною и надутою для переводчика. Языкъ перевода вообще нечистъ, необработанъ и сшолько-же неровенъ, какъ дороги осенью. Можно сказать смѣло, что разбираемый нами переводъ станетъ на ряду съ старинными переводами Элоизы и Вертера. Мы слышали очень забавный анекдотъ объ одномъ пачкунѣ, который рѣшался переводить Шиллера потому только, что этотъ Г. N. N. и Шиллеръ — были оба ученики Медицинскаго факультета: счастливое сходство! Ужь и нашъ Г. Переводчикъ не увлекался-ли такого рода сходствомъ?

М. Л-нъ.

Traité de Physiologie appliquée à la Pathologie, par J. V. Broussais. Paris. 1823 et 1824 *(Разсужденіе о Физіологіи, примѣненной къ Патологіи*, соч. Бруссе).

Traité de Physiologie—pathologique, par Bégin. Deuxième édition. Paris. 1828. *(Разсужденіе о Физіологіи Патологической*, соч: Бежена. 2-е изданіе).

Précis élémentaire de Physiologie, par Magendie. 2 vol. in 8. Deuxième édition. 1825 *(Учебное начертаніе Физіологіи*, соч. Мажанди. 2 т. in 8. 2-е изд.) (*).

Всѣ науки, въ высочайшемъ значеніи своемъ, имѣютъ одну цѣль: познаніе истины. Истина обнажается передъ нами двумя способами: посред-

---

(*) Статья сія заимствована нами не изъ какого либо Медицинскаго сочиненія, но изъ журнала, просто посвященнаго современнымъ событіямъ и читаемаго во Франціи свѣтскими людьми. Вотъ почему мы думаемъ, что она не будетъ лишнею и въ Телеграфѣ. Только невѣжды могутъ чуждаться предметовъ, которымъ они не посвятили себя исключительно. Намъ кажется, что Литтераторъ, или свѣтскій человѣкъ, не имѣющій общаго понятія о Физіологіи или Анатоміи, будетъ похожъ на Медика, незнающаго Грамматики или Географіи. Французы понимаютъ это: у нихъ Литтераторы не лечатъ людей и Медики не преподаютъ курсовъ Литтературы, но тѣ и другіе не чуждаются взаимныхъ знаній своихъ. Доказательствомъ этому служитъ

ствомъ опытовъ и посредствомъ сужденій. Какою-бы наукою кто ни занимался, но это вездѣ одинаково: умъ человѣческій, неизмѣнный подъ тысячью различныхъ формъ, въ познаніи всегда дѣйствуетъ по законамъ своей природы и собственной своей сущности. Изъ сего слѣдуетъ, что во всякой наукѣ есть, необходимо, и независимо отъ частной ея стороны, собственно состоящей изъ описанія опытовъ, другая сторона, которую можно назвать *философическою*: къ ней-то особенно относится сужденіе. Она, сокращенно выражая всѣ частныя наблюденія подъ формою общаго ученія, оканчивается напослѣдокъ въ той высшей области, гдѣ всѣ знанія человѣческія соединяются своими вершинами, гдѣ всѣ возвышенныя умствованія сходятся и сообщаются одно съ другимъ. Отселѣ происходитъ та, всѣми ощущаемая и особенно

прекрасно написанная статья сія, сочиненная Г-мъ Ипп. Роайе-Колларомъ. Дай Богъ, чтобы наши Литтераторы такъ умѣли излагать свои мысли! Не можемъ судить объ ученомъ достоинствѣ выводовъ Г-на Роайе-Коллара, но увѣрены, что всякій умный человѣкъ прочитаетъ разсужденіе его съ любопытствомъ. Переводчикъ сей статьи, кстати припоминаетъ себѣ слова, слышанныя имъ отъ одного изъ знаменитѣйшихъ Русскихъ Физіологовъ: « Странное дѣло, что у насъ стыдятся не знать природы какой нибудь Американской или Индійской землицы, и безъ стыда сознаются что природа тѣла человѣческаго имъ вовсе неизвѣстна. » *Прим. Перев.*

принадлежащая эпохамъ высокаго просвѣщенія необходимость, установить между различными знаніями, къ какимъ способенъ нашъ умъ, отношенія ближайшія, существеннѣйшія, дабы соединить, такъ сказать, въ одинъ фокусъ всѣ отдѣльныя силы и со всѣми вмѣстѣ идти на завоеваніе истины. Съ сею цѣлью, съ симъ намѣреніемъ я хочу здѣсь, при объявленіи объ означенныхъ въ заглавіи сочиненіяхъ, изложить нѣсколько мыслей о всеобщей исторіи новѣйшей Физіологіи и о нынѣшнемъ состояніи сей науки. Это названіе нѣсколько темно: оно обѣщаетъ много и не выражаетъ ничего опредѣленнаго. Но если сообразятъ, что статья сія назначается для разнообразнаго журнала, что для нея назначены тѣсныя границы, что она обращается ко многимъ читателямъ, то легко поймутъ, что я не могу начертать здѣсь, и особенно въ сей первой статьѣ, полной картины многочисленныхъ мнѣній, съ нѣкотораго времени явившихся въ Физіологіи, ни разобрать подробно всѣхъ великихъ вопросовъ, возникавшихъ по временамъ; однимъ словомъ, что здѣсь я долженъ не блистать ученостью, но единственно судить о наукѣ въ общемъ объемѣ ея, въ общемъ ея ученіи; опредѣлить положительно, какой степени достигли трудные успѣхи ея, показать главныя причины, задерживавшія или еще задерживающія ходъ ея, и означить средства, которыя по мнѣнію моему удобнѣе могутъ вести ее путемъ вѣрнымъ и истиннымъ.

Прежде всего я замѣчу, что въ Физіологіи, такъ-же какъ и вездѣ, понятіе о настоящей эпохѣ

извлекается единственно изъ совершеннаго познанія эпохъ предшествовавшихъ. Не должно вѣрить повторяемымъ почти ежедневно словамъ, что Физіологическій міръ былъ (совсѣмъ не болѣе другихъ) преданъ произвольнымъ спорамъ людей, какъ циркъ, открытый для всѣхъ игръ ума и всѣхъ прихотей воображенія. Напротивъ, изучая исторію ученій, попеременно волновавшихъ Физіологію, легко можно видѣть, что во всѣхъ частяхъ сей продолжительной драмы существуетъ строгая послѣдовательность и необходимая связь. Дѣйствительно, среди всѣхъ измѣненій науки и безпрерывнаго прилива и отлива различныхъ мнѣній, въ основаніи ея всегда существуетъ одна и таже мысль, и мысль философическая; естественное раскрытіе оной ведетъ за собою и объясняетъ одно за другимъ слѣдовавшія измѣненія Физіологіи; съ нею всегда соединены даже тѣ событія, которыя кажутся самыми непредвидѣнными и ни сколько не зависѣвшими отъ какого-либо постояннаго и однообразнаго направленія. Не будемъ обманывать себя! тщетно науки, самымъ разнообразіемъ своихъ предметовъ, отдѣльны и различны одна отъ другой: онѣ всѣ идутъ подъ вліяніемъ одной общей причины, слѣдуютъ одному и тому-же закону, закону всеобщихъ успѣховъ ума человѣческаго, и если можно справедливо сказать, что Философія есть, нѣкоторымъ образомъ, сокращеніе всѣхъ наукъ, то исторія ея также должна быть, до извѣстной степени, сокращеніемъ всѣхъ исторій.

Не говоря о томъ, что происходило въ Физіологіи въ первобытное время ея, я только замѣчу,

что она, по временамъ, покорялась мнѣніямъ Гераклита, Пиѳагора, Эпикура, Платона и Аристотеля, и быстро перейду къ тому времени, когда геній Декарта произвелъ во всѣхъ направленіяхъ новую эру для ума человѣческаго. Сей великій человѣкъ, въ одно и то-же время создавалъ новую Философію, приуготовлялъ труды Портъ-Рояльскихъ ученыхъ и вѣкъ Людовика XIV-го, и заставлялъ всѣ умы слѣдовать одному движенію; даже Физическія науки приняли въ этомъ участіе, и Физіологія подверглась сему-же всеобщему направленію.

Постараюсь, въ немногихъ словахъ, объяснить, какимъ образомъ Философическая система Декарта являлась, вполнѣ или только частію, въ различныхъ Физіологическихъ системахъ современниковъ его и послѣдователей. Въ Картезіанизмѣ должно различать двѣ вещи: ученіе и методу. Скажемъ сначала объ ученіи. Оно зиждется на одномъ, основномъ началѣ, а именно: что для человѣка явны только дѣйствія его сознанія. Потому Декартъ почитаетъ внѣшнія тѣла, и самое тѣло человѣческое, изображеніями, достовѣрными для насъ только какъ изображенія, имѣющими можетъ быть одно достоинство явленій, но могущими не имѣть безусловной и необходимой дѣйствительности. Однакожь онъ желаетъ вѣрить этому, зная благость Бога, вложившаго въ сердца наши сію увѣренность. Допустивъ существованіе тѣла человѣческаго, Декартъ видитъ оное въ существованіи всѣхъ естественныхъ тѣлъ, которыя для него

также не иное что, какъ фигуры, или различныя измѣненія протяженія; слѣдственно всѣ они подвержены однимъ законамъ, то есть чисто физическимъ и механическимъ законамъ вещества, смотря по различнымъ состояніямъ, въ какія можетъ переходить сіе вещество. Здѣсь должно особенно замѣтить, что Декартъ вводитъ въ область органическихъ отправленій не только дѣйствія и движенія нашихъ жидкихъ и твердыхъ тѣлъ, но и всѣ явленія памяти и воображенія, развивающіяся въ насъ и являющіяся посредствомъ извѣстныхъ, совершенно вещественныхъ дѣяній. Впрочемъ, онъ не видитъ никакого перехода отъ механической природы человѣка къ его духовной природѣ; ничто, рѣшительно ничто въ организаціи не объясняетъ ему происходящаго въ нашей душѣ. Изученіе одной нисколько не касается изученія другой, и поелику воля у него не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ движеніямъ тѣла человѣческаго, то необходимо душа и тѣло управляются двумя системами законовъ, совершенно различными. Послѣ сего легко можно понять, въ какомъ смыслѣ справедливо, что Декартъ почиталъ животныхъ машинами. Онъ отнималъ у нихъ свойства смысла и нравственной свободы, принадлежащія, правда, только духовному человѣку; но онъ оставлялъ имъ, точно такъ-же какъ и вещественному человѣку, всѣ независящія отъ сего способности; онъ утверждалъ только, что одними понятіями о протяженіи и движеніи, можно объяснить всѣ сіи чисто органическія и чувственныя явленія. Таково было, какъ мнѣ кажется, общее ученіе Декарта. Мето-

да его была совершенно синтетическая. Онъ не наблюдалъ прежде всего дѣйствій, дабы постепенно восходить до познанія причинъ, но сначала поставлялъ причину, дабы изъ нея вывести дѣйствія. Онъ полагаетъ законъ и съ перваго шага развязываетъ вопросъ, не разрѣшая его продолжительнымъ анализомъ.

Изъ сего краткаго изложенія явно, что Картезіанизмъ представляетъ нашему вниманію три главныя обстоятельства: 1-е, онъ отличаетъ душу отъ тѣла, и, въ этомъ отношеніи, онъ есть собственно духовность; 2-е, всѣ органическія явленія онъ поставляетъ въ разрядъ явленій физическихъ и подвергаетъ одинакимъ законамъ жизнь и грубое неодушевленное вещество; 3-е, онъ дѣйствуетъ синтезомъ, и съ самаго начала старается похитить великую тайну, единую причину, долженствующую заключать въ себѣ всѣ другія.

Мнѣніе Декарта о вещественности жизни и жизненныхъ условіяхъ не могло быть принято невнимательно. Это мнѣніе породило двѣ великія школы, часто противоположныя между собою, но равно славныя: школу ятро-химическую и школу солидистовъ или механическую. Въ первой блистали Виллисъ, Майу, Чарлетонъ, Крунъ, въ Англіи; Фаберъ, Кальметъ, Барбейракъ, Раймонъ Вьёсанъ, во Франціи, и Вприде, въ Женевѣ. Я не причисляю къ сему разряду Вангельмонта, во первыхъ потому, что онъ жилъ прежде Декарта нѣсколькими годами, и во вторыхъ потому, что это былъ

человѣкъ особенный: его система, впрочемъ столь-же обильная блестящими истинами, какъ и грубыми заблужденіями, не имѣетъ ни съ какою другою ничего общаго. Школа механическая болѣе нежели гдѣ либо оказала успѣховъ въ Италіи: Борелли, Беллини, во Флоренціи, Донзеллини, въ Венеціи, и особенно Багливи, защищали ея ученіе, между тѣмъ какъ Гофманъ, въ Германіи, Питкернъ и Боергавъ, въ Голландіи, и во Франціи Клодъ Перро, Додаръ, Бертенъ, Соважъ, и вся Монпельеская школа, страннымъ образомъ измѣняли оное, смѣшивая болѣе или менѣе съ ученіями анимистовъ и виталистовъ, собственно такъ называемыхъ. Анимисты признавали своимъ главою Шталя. По мнѣнію сего знаменитаго философа, всѣ одушевленныя тѣла управляются дѣятельнымъ и высшимъ началомъ, которое называетъ онъ *душою*. Изъ сего выходитъ, что душа Шталя не есть то, что значитъ это слово на обыкновенномъ языкѣ. У него это слово имѣетъ значеніе условное, и онъ равно могъ-бы сказать, съ Вангельмонтомъ, *архея*, и съ Монпельескою школою *жизненное начало*. Но въ системѣ его было особенное то, что мысль и воля происходили по ней такъ-же, какъ пищевареніе, какъ дыханіе, и тогда она уже не была Картезіанизмомъ.

Физіологи Монпельескіе слѣдовали движенію, данному Шталемъ; ихъ мнѣнія наиболѣе изложены въ сочиненіяхъ Дюмаса и Баршеза. Они противорѣчили, такъ-же какъ и Шталь, основной идеѣ Декарта, потому что находили въ человѣкѣ явленіе дѣятельности, приписываемое Декартомъ од-

ному Богу, но разнились съ Шталемъ въ томъ, что онъ подвергалъ дѣйствію души физіологическія явленія, когда какъ они обращали особенное вниманіе на жизненное начало; одинъ одухотворялъ жизнь, другіе оживляли душу; а слѣдствіемъ сего было то, что основываясь на одинакихъ данныхъ, съ разныхъ сторонъ доходили до равнаго смѣшенія явленій. Причиною сего были совершенно различные выводы.

Но всего болѣе Декаршъ произвелъ великое вліяніе на судьбу Физіологіи своею методою. Всѣ слѣдовавшіе за нимъ, шли по дорогѣ имъ открытой, и съ его времени думали только о томъ, какъ объяснить однимъ дѣйствіемъ всѣ явленія организма. Здѣсь начало, если не археи Вангельмонтовой, то по крайней мѣрѣ души Шталевой, притяженія и отталкиванія Боергава, жизненнаго начала Баршеза; отселѣ наконецъ двѣ жизни и жизненныя силы Биша.

Но методы живутъ въ нашемъ мірѣ долѣе нежели ученія, и потому, когда въ послѣдствіи Философія не могла объяснить всего міра однимъ явленіемъ мысли и пошла по стопамъ Локка, говорившаго новымъ языкомъ, она опять стала искать въ другомъ единомъ дѣйствіи, дѣйствіи чувствованія, разрѣшенія великой задачи, и Физіологія, всегда шедшая по слѣдамъ ея, сдѣлалась, изъ отвлеченной и гипотетической, чувственною и опытною. Галлеръ былъ величайшій человѣкъ сей школы. Никто не обладалъ въ столь высокой степени тѣмъ, что можно назвать геніемъ наблюдательно-

сти, ибо у Галлера способность сія возвышалась до генія. Никогда умъ болѣе свѣтлый, болѣе строгій и основательный, не углублялся въ изученіе какой либо науки, и если Галлеръ не создалъ одного изъ тѣхъ общихъ ученій, при коихъ имя человѣка живетъ гораздо долѣе его заслугъ, то своими безмѣрными трудами онъ сдѣлалъ для науки болѣе нежели Вангельмонтъ, Барпезъ и самъ Шталь, блестящими и возвышенными ихъ теоріями. Къ несчастію, успѣхи Физіологіи были еще очень не велики, и потому она не могла имѣть особенной силы въ своихъ вѣрованіяхъ. Вскорѣ, увлеченная общимъ движеніемъ вѣка, она не замедлила впасть въ матеріялизмъ, за который въ послѣдствіи такъ много обвиняли ее, хотя это была вина не ея, но вина естественнаго развитія разума человѣческаго, гдѣ матеріялизмъ былъ слѣдствіемъ неизбѣжнымъ.

Изъ всѣхъ сихъ теорій, во множествѣ рожденныхъ волненіемъ умовъ, самая замѣчательная, болѣе всѣхъ достойная нашего вниманія, есть, безъ сомнѣнія, теорія Биша. Она была принята съ энтузіасмомъ, потому что была выраженіемъ потребностей своего времени, потому что она вдругъ приводила въ дѣйствіе всѣ мнѣнія и всѣ ощущенія: одна, сама собою, она была полною революціею. Въ самомъ дѣлѣ, пусть перенесутся мысленно къ тому времени, когда Биша вдругъ воздвигъ свой памятникъ въ наукѣ. Изъ книгъ и изъ среды школъ, философія матеріялистовъ перешла въ событія. При огромномъ возстаніи осьмнад-

цатаго вѣка противъ властей вообще, и противъ власти религіозныхъ вѣрованій въ особенности, болѣе всего отъ Физіологіи требовали оружія для ниспроверженія и матеріяловъ для новаго созданія. Будучи безсильна, она легко пускалась въ нападенія на другихъ, такъ-же какъ за сто лѣтъ пускалась въ защиту себя; будучи слаба, она сама по себѣ не могла составлять ничего; примѣняясь ко времени и къ людямъ, покоряясь теоріямъ химиковъ, презрительно вводившихъ въ нее всѣ свои изъясненія, болѣе или менѣе несовершенныя, она оставалась легкою жертвою того, кто хотѣлъ водворять въ ней порядокъ и направлять ее рукою сильною и могучею. Правила вѣка, сдѣлавшіяся виновными по несчастнымъ послѣдствіямъ, какія извлекли изъ оныхъ, распространились на всю массу людей. Но въ Физіологіи еще былъ памятенъ Галлеръ; метода, на опытѣ основанная, составлявшая ученіе сего великаго человѣка, вошла въ обычай у Физіологовъ и сдѣлалась первою ихъ потребностію. Въ такихъ обстоятельствахъ явился Биша. Его слова были словами давно ожиданнаго человѣка. Его юность, пылкость, невѣроятная дѣятельность, съ какою занимался онъ въ одно время всѣми отраслями Медицины, его простой, увлекательный языкъ, его много-объемлющій и смѣлый приступъ къ дѣлу, все возвѣщало въ немъ человѣка геніяльнаго, явившагося пробудить Физіологію отъ сна и открыть ей пути, дотолѣ невѣдомые. Казалось, что овладѣвъ наукою, онъ возвратилъ ей жизнь, на минуту утраченную. Сверхъ

сего, ученіе Биша соотвѣтствовало всѣмъ потребностямъ своего времени. Оно не только прекращало безпорядокъ, и, сбросивъ иго механистовъ, призывало къ идеямъ, по наружности болѣе возвышеннымъ, умы, утомленные невѣжественнымъ матеріализмомъ словъ, звучавшихъ въ продолженіе цѣлаго вѣка въ ушахъ всѣхъ; но и сверхъ сего, оно принимало нѣкоторыя изъ оспоривавшихся тогда основаній, оно провозглашало превосходство наблюденій и опытной методы; оно изгоняло также гипотетическій духъ, которому столь живо сопротивлялись предшественники Биша. Однако-жь, и это была только новая гипотеза; это опять была недостаточная синтетическая метода, которая создастъ, а не изучаетъ человѣка. Въ существѣ, мало значило, чтобы произвольное единство было душа Шталя, жизненное начало Монпельеское, или чтобы оно являлось въ наружномъ раздѣленіи жизненныхъ силъ Биша: тѣмъ не менѣе оно было произвольно, и Биша тѣмъ не менѣе пиранствовалъ въ наукѣ. Тщетно восклицаетъ онъ, почитѣ безпрерывно, что единое начало есть нелѣпость, отвлеченность безъ дѣйствительности; тщетно думаетъ онъ дать свободу наукѣ, раздѣливъ на многія дроби безусловное могущество, тяготѣющее надъ нею; онъ тѣмъ не менѣе остается въ теоріяхъ безусловности и недостатокъ у него только перемѣняетъ имя и форму. Таковы были главныя черты сего ученія, сдѣлавшагося въ свою очередь верховною мыслію нашихъ школъ, болѣе нежели на двадцать лѣтъ. Да не подумаютъ, что оно теперь совершенно оставлено нами! Да-

же и нынѣ вліяніе его продолжается; правда, болѣе по привычкѣ, нежели по убѣжденію; однакожь оно существуетъ: еще говорятъ его языкомъ, и жизненныя свойства вышли изъ вѣры, но донынѣ еще играютъ главную роль во всѣхъ физіологическихъ и патологическихъ изъясненіяхъ.

Остановимся на минуту при идеѣ жизненности, и посмотримъ, до какой степени можетъ она выдержать разсмотрѣніе. Происшедши отъ страннаго соединенія духовности и матеріялизма, она искажаетъ оба сіи рода Философіи. Она не можетъ свободно признать душу повелительницею тѣла и какъ-бы управляющею всѣми органическими дѣйствіями; это господство, если могу сказать такъ, духовнаго надъ свѣтскимъ, не могло болѣе покорить здраваго разсудка какого нибудь плебея, и слѣдовательно не могло еще болѣе явиться когда-либо въ какой нибудь системѣ; оно противилось-бы даже внутреннему сознанію всякаго теориста. Съ другой стороны, совершенно отнять у человѣка всякую дѣятельность, всякую свободу, сдѣлать изъ него настоящую машину, подвергнутую предопредѣленію физическихъ и химическихъ законовъ, двигающуюся въ вещественномъ быту такъ-же какъ планета, обращающаяся въ пространствѣ, значило-бы также лгать и предъ всеобщимъ и предъ своимъ собственнымъ сознаніемъ. Я не знаю ни одного физіолога, какъ-бы онъ ни былъ рѣшительно привязанъ къ матеріялизму, который-бы осмѣлился когда-либо простерть это ученіе до крайнихъ его послѣдствій; тутъ слишкомъ скоро дойдемъ до нелѣпости. Такимъ образомъ, находясь

между двухъ невозможностей, въ коихъ она не могла не сознаться, Физіологія рѣшилась, въ одну изъ тѣхъ минутъ когда робость даетъ умъ, совокупить ту и другую, и отселѣ произошла жизненность, ученіе незаконное, не осмѣливавшееся ни вполнѣ принять, ни вполнѣ отвергнуть свободы, и потому самовластно перемѣстившее оную и перенесшее въ грубую часть человѣка. Оно создало мнимую духовность вещества, или не знаю что-то, что называетъ оно *жизнью*, сокрытую силу, существо въ другомъ существѣ, причину и вмѣстѣ дѣйствіе организаціи; оно показываетъ намъ извѣстное число существъ, называемыхъ имъ *живущими*, совершенно однихъ, не имѣющихъ связи съ всемірнымъ порядкомъ, и нѣкоторымъ образомъ изгнанниковъ своего величія, отдѣльныхъ въ созданіи, какъ кольцо отдѣленное отъ великой цѣпи. « Начало жизненное » говорятъ намъ, « есть начало дѣятельное; силы жизни суть силы дѣятельныя. » Дабы надлежащимъ образомъ оцѣнить сіе положеніе, прежде всего должно съ точностію опредѣлить: что такое дѣятельность, что такое силы существенно дѣятельныя. Но, при малѣйшемъ размышленіи, можно видѣть, что существенно дѣятельное есть только то, что заключаетъ само въ себѣ начало своего дѣйствія, а не обязано получать оное извнѣ; только то, что, по волѣ и не имѣя нужды въ постороннемъ вліяніи, можетъ дѣйствовать или не дѣйствовать, начинать, продолжать, или прекращать свое дѣйствіе; слѣдственно, дѣятельное есть только то, что свободно, что сознаетъ свою свободу. Утвердившись

на этомъ, можно-ли сказать, что въ живомъ веществѣ есть подобное начало? Развѣ органы, какіе-бы то ни было, заключаютъ въ себѣ причину своихъ движеній? Могутъ-ли они по своему произволу двигаться или не двигаться? Могутъ-ли они начинать или прекращать свои движенія, какъ имъ вздумается? Есть-ли хотя одинъ изъ нихъ, который могъ-бы двинуться безъ побудительнаго впечатлѣнія? А получивъ впечатлѣніе, имѣетъ-ли онъ силу не повиноваться оному? Однимъ словомъ, всѣ, собственно жизненныя явленія, отъ самаго сильнаго до самаго слабаго, отъ поражающаго наши чувства, до остающагося сокрытымъ въ самыхъ незамѣтныхъ изгибахъ организма, развѣ не соединены одно съ другимъ постоянно, необходимо, такъ, что при тѣхъ-же условіяхъ, непремѣнно оказываются тѣ-же самыя дѣйствія? Правда, мы не всегда можемъ преслѣдовать сіе сцѣпленіе: возбудители столь многочисленны, столь различны, самая возбуждаемость столь разнообразна смотря по человѣку, возрасту, полу, органамъ и множеству другихъ обстоятельствъ, что часто намъ не возможно открыть послѣдовательнаго порядка, отъ котораго зависитъ то или другое явленіе; но если сей порядокъ иногда ускользаетъ отъ нашего вниманія, то тѣмъ не менѣе онъ существуетъ, и то, что мы видимъ въ семъ отношеніи, отвѣчаетъ намъ за то, чего мы не видимъ.

Пусть-же не говорятъ намъ о воображаемой дѣятельности жизни, о жизненныхъ силахъ, существующихъ только въ словахъ, выражающихъ оныя. Если

вы увѣрены въ ихъ дѣйствительности, то скажите намъ ясно, что такое онѣ и гдѣ находятся. Связаны-ли онѣ съ органами, и подвержены-ли законамъ, управляющимъ органами? Если да, то это уже не силы дѣятельныя: это сами органическія явленія, связанныя законами, отъ коихъ они не могутъ освободиться. Или онѣ внѣ органовъ, но повелѣваютъ ими? тогда это не иное что, какъ сама воля. Но если это воля, то куда-же дѣвалась мнимая жизненная дѣятельность, выдаваемая намъ отдѣльною отъ воли? Что̀-бы ни говорили, но должно наконецъ признать одно изъ двухъ: или, съ школою спиритуалистовъ, что въ человѣкѣ существенно дѣятельна одна воля, или съ школою матеріялистовъ, что все, происходящее въ живыхъ существахъ, по природѣ своей преходяще и слѣпо. Первую изъ сихъ гипотезъ объяснить легко (да позволятъ мнѣ употребить слово *гипотеза*, говоря о спиритуализмѣ: употребляю его здѣсь въ духѣ терпимости). Тутъ ясно, что въ заблужденіе о мнимой органической дѣятельности можетъ вводить самое существованіе воли. Въ насъ дѣйствительно есть дѣятельная и свободная сила, служащая сама причиною, независимая отъ производимыхъ ею явленій, сила, безпрерывно развивающаяся въ насъ, и наконецъ безпрерывно нами признаваемая. Наши органы частію подвержены сей силѣ, частію независимы отъ ея дѣйствія; движенія наши бываютъ произвольны и непроизвольны, и поелику мы достовѣрно знаемъ, что произвольныя движенія наши происходятъ отъ силы, существенно дѣятельной, то, само собою разумѣется, мы должны заключать изъ сего, что

сила, также дѣятельная, но отличная отъ воли, служитъ причиною нашихъ непроизвольныхъ движеній. Совсѣмъ не наблюденіе надъ нашими непроизвольными движеніями заставляетъ насъ вѣрить существованію сей силы, ибо явно, что не въ нихъ она заключается; но будучи одарены дѣятельною силою, зная, что сила сія производитъ часть нашихъ движеній, полагаемъ, что другая часть оныхъ происходитъ также отъ подобной силы; эту силу мы заимствуемъ, нѣкоторымъ образомъ, отъ насъ же самихъ, и по ложному выводу переносимъ ее въ наши органы и тамъ осуществляемъ. Но, повторяю, что выводъ нашъ ложенъ и необходимо ведетъ къ заблужденію или предразсудку. Это первое объясненіе. Напротивъ, если перейдемъ къ гипотезѣ матеріялистовъ, то не объяснимъ ничего, должны будемъ молчать или по крайней мѣрѣ довольствоваться полнымъ и безусловнымъ отрицаніемъ причинъ. Подобно клавесину, издающему и не издающему звуки, человѣкъ есть органическая машина, которой всѣ дѣйствія происходятъ случайно, отъ чуждыхъ соприкосновеній; въ немъ нѣтъ, ни въ физическомъ, ни въ нравственномъ, никакой самопроизвольности; всѣ отправленія, органическія и животныя, нравственныя и умственныя, происходятъ прямо отъ вещества, двигающаго орудіями, совокупленными по закону матеріяльности; наконецъ, существуютъ условія человѣческія, но нѣтъ человѣка, такъ какъ понимаетъ его умъ толпы. Вотъ второе объясненіе. Принять то или другое, значитъ сдѣлаться партизаномъ: выбирайте, но тщетно будете вы стараться избѣжать сего двоя-

каго затрудненія: отъ одного можно избѣжать только приставши къ другому, потому что въ мірѣ существуютъ, во всѣхъ людяхъ, только духъ и тѣло, только вещество и не вещество, слѣдовательно, на самомъ дѣлѣ однимъ вопросомъ, окончательно, ограничиваются всѣ другіе; отъ него не льзя убѣжать, его не льзя опиклонить ухищреніемъ.

Изъ сего разсмотрѣнія ясно видно, что ученіе о жизненности не утверждено ни на какомъ существенномъ основаніи. Но это не все. Ученіе сіе не только ложно, но у Биша оно имѣетъ еще тотъ характеръ, что въ немъ заключаются двѣ, противорѣчащія одна другой идеи, ясно выраженныя въ знаменитомъ опредѣленіи жизни, сдѣланномъ имъ самимъ, на первой страницѣ своего сочиненія. « Жизнь, » говоритъ онъ, « есть совокупность отправленій, которая противится смерти.» Не явно-ли, что здѣсь соединены два совершенно различныя ученія? « Жизнь есть совокупность отправленій. » Слѣдственно, она не есть уже сила, частное наитіе, отвлеченная причина: она есть совокупность дѣйствій. Здѣсь матеріялизмъ, потому что жизнь *овеществлена.* Но « она противится смерти. » Вотъ это другое. Сіи слова ясно показываютъ частное усиліе, произвольность, собственное дѣйствіе, свободу. Для чего Биша не послѣдовалъ своей первой идеѣ и не сказалъ, какъ Бюиссонъ, въ которомъ больше послѣдовательности, что жизнь есть состояніе бытія существъ органическихъ? Но этимъ, разумѣется, онъ отказался-бы отъ жизненности. Для чего, слѣдуя своей вто-

рой идеѣ, не сказалъ онъ просто, что жизнь есть сила, сопротивляющаяся смерти? Вѣрно онъ такъ и думалъ, потому что это мнѣніе проглядываетъ во всѣхъ его сочиненіяхъ, но, покоряясь очевидности, и, всего болѣе, оставаясь человѣкомъ своего времени, онъ при первомъ взглядѣ видѣлъ въ жизни чистое явленіе, слѣдствіе, выраженіе, а сказать: сила, значило-бы для него, что жизнь есть совокупность отправленій. Вообще, кажется, все, въ это время сдѣланное въ наукѣ, носитъ на себѣ особенный отпечатокъ нерѣшительности и робости. Судя объ этомъ времени только по послѣдствіямъ, можно было-бы сказать, что Физіологическій міръ, находясь тогда между старыми повѣрьями и новыми потребностями, утомленный недостаточностью прошедшаго, и въ тоже время волнуемый безпокойствомъ о будущемъ, старался, осторожными переходами, ускользнуть отъ настоящаго и доставить себѣ, искуственно, преходящую, временную тишину, удалившись въ такія теоріи, гдѣ бывалыя привычки сохранились подъ покровомъ преобразовательныхъ ученій. Событіе замѣчательное! Въ Физіологіи происходило тоже, что въ обществѣ, гдѣ единственный геній одного человѣка употреблялъ себя во зло, вмѣсто того чтобы предоставить массамъ людей стремиться ко благу, по инстинкту простонародному, но основательному. Разительное доказательство, что во времени не бываетъ людей, даже тогда, какъ они кажутся болѣе всего отдѣльными въ своихъ дѣйствіяхъ, но существуетъ одинъ и тотъ-же духъ, который стремится и раскрывается, какъ-бы увле-

кая силою развитія, господствующею и двигающею имъ безъ собственнаго его участія.

Я съ нѣкоторою горячностію разсматривалъ всеобщее ученіе Доктора Биша, потому что почитаю его ложнымъ, непослѣдовательнымъ, потому что оно, по моему мнѣнію, поставило безчисленныя препятствія водворенію благоразумной методы и основательному изысканію истины. Но, да не подумаютъ однакожь, что я хотя одну минуту поколеблюсь отдать справедливость сему великому человѣку, безъ сомнѣнія одному изъ превосходнѣйшихъ геніевъ новаго времени. Не говоря о его многочисленныхъ открытіяхъ въ Анатоміи, о его опытахъ, столь разнообразныхъ и полезныхъ, не припоминая всѣхъ частныхъ явленій, ярко освѣщенныхъ имъ особенными, собственно ему принадлежащими изысканіями или сближеніями, новыми и богатыми по своимъ важнымъ послѣдствіямъ, поспѣшимъ сказать, что истинное право его на нашу признательность состоитъ въ раздѣленіи органическихъ тканей, образующихъ тѣло человѣческое: идея удивительная! Она можетъ быть сравниваема въ наукахъ только съ превосходнымъ Турнефоровымъ раздѣленіемъ въ Ботаникѣ, конечно несовершеннымъ, слишкомъ останавливающимся на внѣшнихъ формахъ, но обширнымъ и обильнымъ, заключавшимъ уже въ себѣ первыя начала естественной методы! Этимъ Биша сдѣлалъ для науки можетъ быть болѣе, нежели кто-либо изъ его предшественниковъ, и нынѣ никто не станетъ оспоривать у него славы, раздѣляемой имъ съ Пинелемъ, славы безсмертной.

Первымъ послѣдствіемъ двоякаго ученія Биша долженствовало быть раздѣленіе его школы. Какъ скоро не стало учителя, ученики, сначала покорные, немедленно начали стремиться къ нѣкоторой независимости. Вскорѣ сдѣлалось ясно для всякаго проницательнаго ума, что вкусъ вѣка, на время удержанный геніемъ Биша, въ свою очередь покорившагося ему нѣсколько, продолжаетъ наводить бо̀льшую часть ученыхъ на путь наблюденія и опытовъ. Но если-бы это и не принадлежало вѣку, то можетъ быть случилось-бы, по весьма простой причинѣ, а именно, что всегда бываетъ болѣе умовъ наблюдательныхъ, нежели созерцательныхъ. Толпа мало забошилась о томъ, что было метафизическаго въ новой теоріи; ей было гораздо удобнѣе принять готовую идею о семъ предметѣ изъ рукъ человѣка, старавшагося мыслить за нея; потому, необходимо она снова прилѣпилась-бы къ тому, что было положительнаго въ его ученіи, и слѣдственно рабочая часть науки былабы опять изслѣдываема дѣятельно и съ отчетомъ. Этому влеченію и послѣдовали. Опытныя изысканія умножились, и на семъ пути, гдѣ занимались съ такимъ жаромъ и успѣхомъ, отличились, между прочимъ, Легаллуа, Пистенъ, Шосье, Дюпюитренъ и особенно Г-нъ Мажанди, имѣющій не одно сіе достоинство въ Физіологіи; также Г-нъ Дютрочие, особенно занимавшійся аналитическимъ изученіемъ органическихъ формъ, разложенныхъ на простые ихъ элементы. Практическая Анатомія пріобрѣла важность, какой доколѣ никогда въ ней не было. Медицинѣ учились при постеляхъ больныхъ,

и преподаваніе Клиники открыло новый источникъ твердаго и постояннаго познанія. Наука вездѣ склонялась къ веществу, и при семъ общемъ движеніи, самымъ важнымъ событіемъ было образованіе науки, которую можно назвать новою: я разумѣю здѣсь Анатомію Патологическую. Эта вѣтвь, прибавившаяся нѣкоторымъ образомъ къ другимъ, была обрабатываема въ послѣдніе годы съ бо̀льшимъ жаромъ, нежели всѣ остальныя, и не только Практическая Медицина многимъ одолжена сему изученію, но сама Физіологія получила отъ него великія пособія. Мы немедленно приступимъ къ разсмотрѣнію, точно-ли такова нынѣ Анатомія Патологическая, какою она должна быть, и должно-ли для пользы науки предоставить ее тому движенію, которое нынѣ увлекаетъ ее. Теперь мы говоримъ объ этомъ какъ о событіи, связанномъ съ исторіею Физіологіи; событіе сіе весьма важно, потому что въ немъ видимъ главный характеръ времени и общую наклонность умовъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Книги 1828-го года.

— *Чека.* Уральская повѣсть. Сочиненіе Ѳеодора Алексѣева. М. 1828 г., въ ш. Театра, in 12, VII и 38 стр.

Счастье тому поэту, чье твореніе, еще до выхода на бѣлый свѣтъ, лелѣется ласковою рукою журналистовъ; по частямъ показывается публикѣ на атласистыхъ листкахъ альманаховъ; привѣтствуется шопотомъ ожиданія публики, счастье ему, по старинной пословицѣ: *не родись ни хорошъ, ни пригожъ, а родись счастливъ!* Часто, ничто кромѣ этого счастья не бываетъ причиною извѣстности новой поэмы. И будь поэтическое созданіе съ великими достоинствами, не уступай оно ни одному изъ произведеній модныхъ поэтовъ: безъ прихошливаго счастья оно лежитъ забытое въ пыли книжныхъ лавокъ; не читаемое, дурно напечатанное, идетъ на ряду съ *Киргизскими Плѣнниками*, *Доннами Эльвирами*, *Рыбаками*, *Куделярами*, которыхъ конечно никакая сила не вытянетъ въ извѣстность.

Такъ думалъ рецензентъ, прочитавъ *Чеку*, небольшую поэму, написанную Г-мъ Алексѣевымъ. Уже нѣсколько мѣсяцовъ, какъ она напечатана, и нигдѣ въ нашихъ журналахъ ни словечка объ ней не было сказано. Не сомнѣваемся, что истинное достоин-

ство и безъ журнальнаго покровительства приобрѣтетъ себѣ голосъ просвѣщенныхъ знатоковъ; но тѣмъ не менѣе обязанность журналистовъ указывать на достойное замѣчанія, и незамѣчаемое въ толпѣ другихъ явленій Словесности. Многими примѣрами можно доказать, что безъ указанія, долго надобно дожидаться благосклонности публики тому творенію, которому счастливая судьба не даетъ извѣстности, иногда и до рожденія. Прежде всего скажемъ нѣсколько словъ о новыхъ Русскихъ поэтахъ.

Общее, главное достоинство ихъ (говоримъ о замѣчательнѣйшихъ) есть легкое стихосложеніе. Наши хорошіе поэты такъ выучились теперь писать стихи, что кромѣ стиховъ Пушкина, весьма трудно различить стихи Баратынскаго, Подолинскаго, Языкова, Плетнева, Шишкова, и другихъ поэтовъ, извѣстныхъ гармоническими стихами. Пушкинъ исключеніе изъ всѣхъ. Онъ принялъ отъ Карамзина четырехъ-стопный ямбъ, усвоилъ его себѣ, пересоздалъ, и такъ владѣетъ имъ, что никто донынѣ изъ всѣхъ вышеозначенныхъ нами послѣдователей Пушкина не сравнился съ нимъ, и, вѣроятно, не сравнится, хотя всѣ поэты наши, также какъ Пушкинъ, приняли за главный тонъ пѣсней своихъ четырехъ-стопный ямбъ. Мы назвали новыхъ поэтовъ нашихъ послѣдователями Пушкина, и скажемъ, что имя это принадлежитъ имъ по многому. Писать стихи выучилъ ихъ Пушкинъ; кромѣ того, онъ первый явился у насъ представителемъ романтическихъ поэмъ Байрона, и увлекъ за собою всѣхъ. Только въ послѣднихъ сочиненіяхъ Баратынскаго является са-

мобытность и отступленіе отъ формъ и стиховъ Пушкина. Можемъ и отъ нѣкоторыхъ другихъ поэтовъ ожидать того-же, и въ семъ случаѣ съ особенною надеждою смотримъ на юный талантъ Подолинскаго; но донынѣ все это надежды, и едва-ли о комъ нибудь сказать можемъ, что онѣ уже рѣшительно исполнились. Принимая размѣръ стиховъ Пушкина, поэты наши принимаютъ и духъ, и формы мыслей, коими донынѣ ознаменовывались всѣ его поэмы. Отъ сего главные недостатки: однообразіе духа, въ какомъ изображаются герои поэмъ; забвеніе формъ, подъ коими должна-бы являться національность и частность героевъ и героинь. Прибавимъ къ этому неполноту плана, слабую завязку, на которой обыкновенно держатся новыя поэмы, оставленіе въ тѣняхъ многихъ частей, и отдѣлку только нѣкоторыхъ, отъ чего поэма бываетъ только рядомъ картинъ, часто худо связанныхъ; къ этому ведетъ и самое дѣленіе поэмъ на книги, а книгъ, или главъ, на строфы или куплеты. Замѣтимъ, что Пушкинъ съ каждою поэмою удаляется отъ такихъ недостатковъ: *Цыганы* его были уже весьма чужды ихъ, а *Мазепа*, какъ говорятъ, есть твореніе полное новой жизни и совершенной самобытности. Вступленіе, напечатанное при 2-мъ изданіи Руслана и Людмилы, Утопленникъ, извѣстныя намъ сцены изъ Бориса Годунова, показываютъ, какъ хорошо понимаетъ Пушкинъ національность, мѣстность, въ которую должны облекаться дѣйствующія лица каждаго изъ его твореній. О послѣдователяхъ его ни объ одномъ еще не льзя сказать этого; но ска-

жемъ, что это и не отнимаетъ у нихъ правъ на таланть, а у насъ надежды. Всякому своя доля. Пушкиныхъ и вездѣ немного: это геній; но охотно сознаваясь въ этомъ, думаемъ, что и Г-нъ Алексѣевъ, вмѣстѣ съ другими поэтами нашими, можетъ объявить свои нѣкоторыя права на почетное мѣстечко въ новой Русской Словесности.

Онъ подражатель Пушкина, неоспоримо. Но принявъ форму поэмы, расположеніе частей, и самый образъ стихосложенія Пушкина, отдѣлкою частей и стихами своими Г-нъ Алексѣевъ показываетъ, что онъ владѣетъ поэтическимъ языкомъ, что душа его есть душа поэта. Невольно думаешь: люди, ему подобные, сознавая таланть свой въ высшей степени, не подражая, мысля сами, изучая не Пушкина, а душу свою и природу, могли-бы создавать творенія самобытныя, разнообразныя. Впрочемъ, всякій платитъ дань вѣку и обстоятельствамъ, въ которыхъ живетъ, и геній долженъ увлекать за собою таланты, стоящіе ниже его, особливо у насъ; разгадка этого въ нашемъ образованіи, въ нашемъ воспитаніи, а примѣры — Пушкинъ, и всѣ окружающіе его наши новые стихотворцы.

Такимъ образомъ, не ищите и въ *Чекѣ* сильнаго, самобытнаго, огромнаго созданія. Поэтъ избралъ героемъ поэмы своей Ивана Чеку, начальника Яицкихъ бунтовщиковъ, который погибъ отъ меча правосудія. Предметъ богатъ, и могъ быть обработанъ въ обширныхъ объемахъ; но въ поэмѣ Г-на Алексѣева мы не видимъ Чеки; этотъ казакъ походитъ на извѣстныхъ романическихъ разбойниковъ,

мечтаетъ о славѣ, о свободѣ; не видимъ и товарищей его, ни быта казацкаго, ни истинной картины событій. Перемѣнивъ имена, можете перенесть дѣйствіе поэмы на берега Твиди, Рейна, По, и ни мало не потерпитъ отъ этого поэма, такъ какъ Кавказскій Плѣнникъ могъ быть Рускій, Англичанинъ и Французъ. Авторъ Чеки, кажется, незнакомъ съ исторіей героя своего: онъ незнаетъ даже, что имя *Урала* явилось послѣ бунта, и что Казаки Уральскіе назывались прежде *Яицкими*, а послѣ бунта названы *Уральскими*, такъ какъ и *Яикъ Уралomъ*. Природы Уральской нѣтъ слѣдовъ.

Но разсматривая содержаніе Чеки, просто какъ событіе, которое случилось *гдѣ-то* и *когда-то*, мы найдемъ много истинно-изящнаго. Вотъ содержаніе поэмы:

Чека идетъ въ условленное мѣсто, гдѣ должно вспыхнуть возмущеніе; товарищи ждутъ его; все готово къ бунту; онъ прощается съ подругою своею и даритъ ей кинжалъ. Завѣтное преданіе говорило, что въ отсутствіи обладателя кинжала, онъ показываетъ его участь:

Я живъ—кинжалъ и чистъ и ясенъ;
Умру—и кровь на немъ пробьетъ,

говоритъ Чека. Поэтъ обращается къ оставленной подругѣ бунтовщика:

Есть думы, черныя, какъ туча;
Ихъ ядъ, какъ гладная змія,
Мертвитъ грозой своей могучей

Земныя чувства бытія;
И не спасутъ живую младость
Ни гласъ надежды, ни любовь:
Какъ легкій дымъ исчезнетъ младость. . .

Бѣдная Казачка груститъ и тоскуетъ. Одна надежда ея—*вѣра;* одно утѣшеніе—*слезы.*

Когда-же ранняя зарница
Златитъ лазурный неба сводъ,
И надъ равниной сонныхъ водъ
Проснется бурная станица;
Она задумчиво идетъ
На дальній холмъ, и въ отдаленье
Глядитъ въ таинственномъ волненьѣ.
Темна, мрачна нѣмая даль,
Темнѣй, мрачнѣй ея печаль;
Она зоветъ, она вздыхаетъ,
Съ чужбины вѣсти страшной ждетъ,
Но все молчитъ; лишь ропотъ водъ
На зовъ печальный отвѣчаетъ.

Прекрасное изображеніе, какихъ исполнена поэма Г-на Алексѣева; прекрасные стихи, какими почти вся она написана! Настала зима; мятель на дворѣ, и печаль Казачки усилилась: нѣтъ вѣсти, нѣтъ для нея и радости. Она въ своей свѣтлицѣ, груститъ, тоскуетъ —

Увы! бушуй мятель, бушуй,
Тоскуй душа моя, тоскуй!

повторяетъ она. Однажды, тайное чувство заставляетъ ее содрогнуться; ей страшно: сердце

предрекаетъ бѣду; несчастная хочетъ взглянуть на прощальный даръ друга:

Она идетъ, она дрожитъ,
На даръ пророческій глядитъ. . .
Съ кинжала чернаго, сверкая,
Катится капля роковая. . .

Тутъ дошелъ въ станицу слухъ о разбитіи Чеки; о томъ, что онъ пойманъ, и что ему готовится казнь. Дѣйствіе поэмы измѣняется. Поэтъ переноситъ насъ въ темницу, гдѣ заключенъ злодѣй, гдѣ онъ, ожидая смерти,

. . . Какъ безумный, грызъ и рвалъ
Полузаржавленныя цѣпи.

Описавъ ужасное состояніе Чеки, поэтъ превосходно изображаетъ ужасную память совѣсти его:

Такъ трепеща въ цѣпяхъ убійца,
Въ раздумьи мрачномъ сохъ и тлѣлъ,
И сквозь окно тюрьмы глядѣлъ,
Какъ тѣнь, иль хладная гробница;
Ужасный рядъ минувшихъ дѣлъ
Въ немъ разжигалъ и мучилъ совѣсть;
Ему въ ночной безсонный часъ
Шепталъ неумолимый гласъ
Убійствъ затверженную повѣсть.
Не разъ въ лѣсу дремучемъ онъ
Съ ножемъ на путника бросался,
И, презирая вопль и стонъ,
Невинной кровью обливался.
Не разъ преступною рукой
Онъ жегъ и грабилъ храмъ святой;

Дыша безумной мести жаромъ,
Онъ рѣзалъ дѣвъ и стариковъ,
Снималъ покровы съ мертвецовъ,
И села обносилъ пожаромъ.
Его прозванье старъ и младъ
Произнести въ семьѣ страшились,
Лишь къ небесамъ подъемля взглядъ,
И трепетали и молились.
Раздастся-ль гулъ во тмѣ ночной—
И всѣ тревогою объяты;
Отъ страха смолкъ дитя грудной,
Перекрестилась мать трикраты,
Бѣгутъ... ихъ шумъ, ихъ скорби вой,
Родныя слезы, вопль моленья,
Разлуки отзывъ роковой
И дружней ласки утѣшенья—
Ужасный видъ! . . . Но все молчитъ,
Не мчатся всадники толпою,
Лишь поздній вѣтръ порой шумитъ,
Качая ветлы надъ рѣкою,
Лишь поздній вранъ, свистя крыломъ,
Кричитъ и вьется надъ крестомъ.

Мы могли-бы выписать такое-же прекрасное описаніе луннаго вечера, когда въ душѣ поэта

. . . дни былые воскресаютъ
Съ ихъ ненаглядной красотой;

описаніе побѣга Чеки, вторичной поимки его, и проч., что все отдѣлано мастерски. Но полагаемъ, что довольно и сдѣланныхъ нами выписокъ, дабы ознакомить читателей съ юнымъ поэтомъ. Поэма оканчивается описаніемъ могилы, гдѣ скрытъ прахъ

Казачки, подруги злодѣя Чеки. Судьба его была рѣшена:

. . . Рать безумная смирилась,
Какъ шумной вольности молва,
И—роковая голова
Съ кровавой плахи покатилась!

Холмъ на берегу Урала есть то мѣсто, гдѣ успокоилась несчастная его подруга. Не можемъ пропустить здѣсь прекрасной черты въ описаніи могилы:

. . . въ часъ полуночи глубокой,
Въ сей часъ, какъ говоритъ молва,
Вокругъ могилы одинокой
Кружится мертвая глава;
Безъ слезъ, безъ вздоховъ, безъ привѣта,
Она блуждаетъ до разсвѣта,
И исчезаетъ. . . только слѣдъ
Кровавый видѣнъ, кто придетъ. . .
И дивенъ сей курганъ молвою:
Онъ полонъ тайной не-земною,
И дѣвы бранной той земли
Сей холмъ *кровавымъ* нарекли.

Заключимъ: поэму Г-на Алексѣева, не смотря на всѣ ея недостатки, мы должны причислить къ числу поэтическихъ прекрасныхъ созданій, или намъ надобно будетъ гораздо съ большею строгостію судить творенія другихъ поэтовъ нашихъ, и многимъ откажешь въ правахъ на вниманіе, потому, что почти всѣ они носятъ на себѣ признаки недостатковъ, какіе мы находимъ въ Чекѣ.

Это уже недостатокъ общій нашей современной Русской Поэзіи; объ немъ говорить можно многое, но не въ библіографической статьѣ, которою рецензентъ желалъ познакомить только читателей Телеграфа съ поэмою Г-на Алексѣева.

S***

— *Бригадиръ*. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. М. 1828 г., въ т. Университ., in 12, 110 стр.

Книги 1829-го года.

— *Недоросль*. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. М. 1829 г., въ т. Университ., in 12, 156 стр.

— *Дворянскіе выборы*. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. М. 1829 г., въ т. П. Кузнецова, in 12, 197 стр.

Комедія была началомъ Драмы въ Россіи. Въ половинѣ XVII столѣтія начали у насъ въ духовныхъ училищахъ *тѣшить* посѣтителей *комедіею*, и царствованіе Алексія Михайловича ознаменовано было введеніемъ при Русскомъ Дворѣ комедій, съ *музыкіею* и *пѣніемъ* въ интермедіяхъ. Умный Царь и бояре его полюбили театральныя позорища. Первыя комедіи Русскія были смѣсь духовныхъ мистерій съ комическимъ, какъ и вездѣ. *Комедія о Блудномъ Сынѣ* начиналась стихами:

Благословенъ Богъ, отъ нынѣ и до вѣка,
Иже отъ земли создалъ человѣка.

Потомъ представляемъ былъ отъѣздъ Блуднаго Сына; пированье его, при чемъ пѣли *многая лѣта*, играли въ зернь, и обирали шалуна на сценѣ. На-

конецъ, онъ бѣднѣлъ, нанимался пасти свиней, и на сцену выходило стадо поросятъ. Будучи голоденъ, Блудный Сынъ отнималъ у свиней кормъ, и за то передъ зрителями *ведутъ Блуднаго за завѣсу и біютъ плетьми, а онъ кричитъ: ой! государь! пощади.* Комедія оканчивалась возвращеніемъ Блуднаго Сына къ отцу; актеръ говорилъ *эпилогъ*, который заключался слѣдующею просьбою къ зрителямъ:

Мы въ сей притчѣ аще согрѣшихомъ,
Ей! огорчити ни кого мыслихомъ;
Обаче молимъ: извольте простите,
А насъ въ милости Господней храните,
За что хранени будете отъ Бога,
Въ милости Его на лѣта премнога!

Ту всѣ изшедше поклонятся, а мусикія запоетъ, и тако разыдутся гости. Не будемъ смѣяться надъ вкусомъ нашихъ прадѣдовъ, и вспомнимъ, что̀ была начальная Комедія повсюду. Въ Россіи вскорѣ исчезли и слабые начатки Комедіи. Преобразованіе Россіи Петромъ Великимъ обратило умы къ другому; Петръ хотѣлъ *общественности*, и нѣкогда было ему думать о Русскомъ Театрѣ: онъ охотнѣе заводилъ *ассамблеи*. Важное обстоятельство, происшедшее изъ новаго порядка дѣлъ, устранило образованіе Русской Комедіи на долгое время: это было принятіе всего чужеземнаго, безъ разбора и вполнѣ, а потомъ явилось у нашихъ литераторовъ желаніе стать поскорѣе на литературныя ходули, и не шутить, а важничать. Они почитали Комедію занятіемъ маловажнымъ, думая, что смѣшить прилично шуту, а не литератору, и

бросились къ Трагедіи, гдѣ громкія фразы лучше удовлетворяли младенчествующее ихъ воображеніе, точно такъ, какъ изъ другихъ родовъ Поэзіи *Ода* была предпочтена всѣмъ. Къ несчастію, не Испанская и не Англійская Трагедія были образцомъ для Русской (нашъ Сумароковъ не зналъ Лопеца-де-Веги и Кальдерона; *Шакеспира*-же называлъ — *непросвѣщеннымъ*), а Французская, и въ ней, замѣтимъ еще, нравились нашимъ трагикамъ бомбастъ, пухлость, театральныя нечаянности, а не то, что составляетъ душу Французской Трагедіи. Присовокупите къ этому странную мысль, явившуюся у Русскихъ Писателей, что можно передѣлывать иностранныя творенія на Русскіе нравы, перемѣняя только имена и мѣсто дѣйствія. Зрителямъ-же въ Комедіи нравилось только нелѣпо-смѣшное. Такимъ образомъ, сперва завели въ Россіи Нѣмецкій театръ, потомъ Итальянскій и Французскій, а Русская Драма, отъ мистерій XVII-го вѣка перешла въ Трагедію. Явился Сумароковъ, съ *Хоревомъ*, *Семирою*, *Артистоною*; играли Французскія и Нѣмецкія комедіи и Итальянскія оперы, а на Русскомъ театрѣ трагедіи Сумарокова, перемѣшивая ихъ кое-когда съ фарсами, переведенными съ иностраннаго, или сочиненными Сумароковымъ, единственнымъ тогда драматическимъ писателемъ и Директоромъ единственнаго въ Россіи Русскаго театра. Въ 1757-мъ году репертуаръ Русскаго театра состоялъ изъ 4-хъ трагедій, 2-хъ фарсовъ и двухъ небольшихъ оперъ: все работы Сумарокова, и переводовъ: *Скупаго*, *Лекаря по неволѣ* и *Скапиновыхъ обмановъ*.

Успѣхъ Сумарокова возбудилъ соревнованіе многихъ; онъ, ни много, ни мало, величалъ себя Русскимъ Расиномъ; соотечественники ему вѣрили, и по слѣдамъ его пошли всѣ писатели Русскіе. Ломоносовъ, Херасковъ, Княжнинъ и множество другихъ принялись за Трагедію. Другіе безъ разбора переводили иностранныя комедіи; третьи сочиняли фарсы, несносные, пустые, сколки съ чужаго, нелѣпо примѣненнаго къ Русскому. *Подьячій* крадетъ нѣсколько копѣекъ у *Гарпагона*, а *Скапинъ*, или *Криспинъ*, бьетъ подьячаго, когда какой-нибудь *Клеантъ* или Аристъ *резонируютъ*: вотъ нѣкоторыя изъ главныхъ положеній, на которыхъ вертѣлись многія Русскія комедіи.

Императрица Екатерина видѣла нелѣпость всего этого, недовольна была одними переводами, и хотѣла видѣть *Русскія* произведенія. Тогда, при Графѣ Панинѣ, служилъ молодой человѣкъ, съ талантомъ необыкновеннымъ: это былъ *фонъ-Визинъ*. На девятнадцатомъ году возраста, въ 1763-мъ году, онъ вздумалъ написать оригинальную Русскую комедію, и понялъ, что для этого надобно удалиться отъ избитой шропы, надобно облагородить комическій фарсъ, взять предметъ изъ Русскихъ нравовъ, и выборъ его палъ на то, что было всего ближе къ нему: онъ рѣшился обратить въ смѣхъ жалкую смѣсь Русскаго аристократства съ невѣжествомъ и модною полуобразованностью, и написалъ *Бригадира*, первую Русскую комедію. Современники ф. Визина гнали его, и, видя очень недалеко, принялись однакожь подражать ему. Такова несчастная участь подражателей, что они никогда

не понимаютъ истинныхъ красотъ своего образца. Что̀, думаете вы, почитали достойнымъ подражанія въ комедіи ф. Визина? Смѣсь Французскихъ словъ съ Русскими въ рѣчахъ Иванушки, и грубыя шутки Бригадирши! Таланшовъ не было, и Комедія не двигалась впередъ. Напрасно Екатерина задавала темы для Русскихъ комедій, напрасно сама писала ихъ: не можемъ указать ни на одну, достойную какого-нибудь вниманія, до самаго появленія *Недоросля*, гдѣ фонъ-Визинъ, послѣ восмнадцатилѣтняго молчанія, показалъ менѣе прежняго знанія Комедіи, и болѣе умѣнья списывать съ природы. *Недоросль*, какъ вѣрный списокъ нравовъ — неподражаемъ; какъ комедія онъ слабъ, и въ этомъ отношеніи Бригадиръ гораздо его выше. Фонъ-Визинъ не писалъ ничего болѣе, и послѣ Недоросля Русская Комедія засѣла на одномъ мѣстѣ донынѣ. Были явленія, выходившія нѣсколько изъ круга обыкновеннаго; но, все это весьма незначительно, и мы—ждемъ еще Комедіи своего вѣка, ибо не льзя не сказать, что творенія фонъ-Визина хороши, какъ начало только. Репертуаръ Русской Комедіи донынѣ состоялъ, и теперь состоитъ изъ слѣдующаго:

1. *Грубые фарсы.* Ихъ началъ Сумароковъ, и всѣхъ удачнѣе продолжаетъ въ наше время Князь Шаховской. *Приданое обманомъ*, Сумарокова, гдѣ окормивши ботвиньею опекуна, принуждаютъ его подписать рядную, и *Ссора или два сосѣда*, Князя Шаховскаго, гдѣ за яичницею мирятся два непримиримые соперника, суть творенія одного разряда: это арлекинады Комедіи.

2. *Переводныя комедіи.* Онѣ начаты были до Сумарокова, и съ 1757-го года, когда было у насъ всѣхъ на все переводовъ только три перевода Мольеровыхъ комедій, донынѣ, переведено ихъ нѣсколько сотъ. Вкусъ къ переводамъ былъ въ разныя эпохи различный. Сначала переводили Нѣмцовъ, Французовъ, Итальянцовъ, Англичанъ, безъ разбора: Мольера, Голберга, Реньяра, Лессинга, Депуша, Вольтера, Дидеро, Буасси, Гольдони, и проч. и проч., дурною прозою и стихами тяжкими. Въ началѣ XIX-го вѣка Коцебу завоевалъ было театръ Русскій; теперь мы держимся за однихъ Французовъ. Въ послѣдніе годы явилось нѣсколько переводовъ хорошихъ. Изъ числа такихъ назовемъ *Мизантропа* и *Школу женщинъ*.

3. *Передѣлки.* Это самыя жалкія и несчастныя созданія. Мысль нелѣпая, что переставивши имена и мѣсто дѣйствія, можно *обрусить* твореніе Нѣмца, Француза, Англичанина, есть основная мысль передѣлокъ. Водевилисты довели передѣлку чужаго до послѣдней крайности, а передѣлки для бенефисовъ, кажется, рѣшительно отучатъ публику отъ этихъ литературныхъ уродствъ.

4. *Оригинальныя комедіи.* Ихъ было у насъ донынѣ очень много; но, къ сожалѣнію, основныя мысли девяти изъ десятка Русскихъ комедій не принадлежатъ нашимъ сочинителямъ, а если и принадлежатъ имъ, то бываютъ такъ мѣлки, стары, что съ 1764 г., т. е. эпохи появленія Бригадира, едва-ли десять Русскихъ комедій можемъ мы насчитать, въ коихъ мысль была-бы оригинальна, не слѣдствіе подражанія, являла предметы, до-

стойные труда писателя. Вотъ, по нашему мнѣнію, на что можно указать: *Бригадиръ* и *Недоросль*, фонъ-Визина; *Модная лавка*, И. А. Крылова; *Ябеда*, Капниста; *Горе отъ ума*, Грибоѣдова; *Добрый малый*, Г. Загоскина. Не всѣ сіи пьессы одинаковаго достоинства; но замѣтимъ, что во всѣхъ сихъ пьесахъ основное достоинство составляетъ оригинальность мысли, или новость изложенія предмета, происходившая отъ того, что авторъ бралъ краски не изъ Французскаго репертуара, но въ своемъ умѣ, въ обществѣ, въ Русскихъ нравахъ: здѣсь матеріялы для созданія нашей Комедіи. Мы не умѣемъ еще ими пользоваться, и фонъ-Визинъ и Грибоѣдовъ не умѣли, изъ собранныхъ ими матеріяловъ, строить зданія совершенно изящныя; но матеріялы выбирали они мастерски. Оставляя цѣпи Классицизма и разработывая рудникъ народности нашей, мы конечно успѣемъ создать Комедію Русскую.

Что за странность у нашихъ комиковъ: вертѣться въ одномъ кругу, очерченномъ предшественниками! Даже къ названіямъ привязываются они, и не могутъ не подражать. Былъ *Урокъ дочкамъ*; надобно *Урокъ женатымъ*, *Урокъ холостымъ*, *Урокъ мужьямъ*, *Урокъ кокеткамъ*! Отъ *Мѣщанина во дворянствѣ*—явились *Полубарскія затѣи*, *Богатоновъ въ столицѣ*, *Богатоновъ въ деревнѣ*, *Чванство Транжирина*! Отъ *Ученыхъ женщинъ* — сколько Русскихъ комедій: *Вечеринка ученыхъ*, *Писатели между собою*, и проч. Сколько уже разъ выводили на сцену плаксивыхъ Ахалкиныхъ, плута журналиста, прожектера, кокетку, подьячаго, шалуна гусара, педанта, промотавшагося

игрока, и все тѣже и одни лица, тѣже и одни характеры, даже однѣ и тѣже шутки, манеры: однообразіе скучное и утомительное! Подумаете, что комики наши обязались ткать Пенелопину ткань. Что-же имъ дѣлать? спросятъ насъ. Бросишь нынѣшнюю свою дорогу, взяшься за дѣло, какъ брались за него фонъ-Визинъ, Грибоѣдовъ. Пусть посмотрятъ они, съ какимъ особеннымъ удовольствіемъ замѣчаемъ мы каждый шагъ къ оригинальности, и особливо къ составленію *Русской Комедіи;* говоримъ: *мы,* ибо публика подтверждаетъ съ нами это мнѣніе, и *Дворянскіе выборы,* новая комедія неизвѣстнаго Автора, которой въ недѣлю раскуплено нѣсколько сотъ экземпляровъ, показываетъ нашимъ комикамъ, какъ рада публика простишь всѣ недостатки, лишь-бы Авторъ удалился хоть сколько нибудь отъ надоѣдающихъ повтореній одного и того-же, къ чему мы приглядѣлись и прислушались въ нашемъ театрѣ.

Дворянскіе выборы, комедія весьма несовершенная. Она писана въ прозѣ — это-бы еще ничего, но въ дурной прозѣ — вотъ что плохо. Завязка ея слаба; основные характеры почти всѣ не выдержаны; по слогу, по разговорамъ, она принадлежитъ къ эпохѣ 1764-го года. Но что-же заставляетъ насъ хвалить ее, и указывать на нее, обходя комедіи, писанныя очень недурными стихами, лучше связанныя, лучше расположенныя? Вотъ что.

Авторъ взялъ предметъ совершенно новый, оригинальный. Онъ обращаетъ въ смѣхъ одно изъ ужасныхъ золъ современнаго общества нашего; онъ

выводитъ на комическую сцену людей, которыхъ мы знаемъ, заставляетъ ихъ говорить и дѣйствовать, какъ они говорятъ и дѣйствуютъ въ самомъ дѣлѣ. Тутъ смѣшатъ насъ не причуды откупщика, который гордится нюхая Французскій табакъ; не хвастовство провинціяла, который ищетъ *Петербургской* палки, думая, что ничѣмъ другимъ не долженъ онъ колотить слугу; не насмѣшки надъ Французскимъ болтаньемъ, сто разъ слышанныя на сценѣ театра нашего: нѣтъ! Тутъ толпа свѣжихъ характеровъ, взятыхъ съ подлинника, является забавлять собою; комикъ бросаетъ перчатку пороку, гибельному, опасному, и причетъ комическихъ злодѣевъ на сценѣ кипитъ жизнію.

Авторъ представляетъ намъ общество дворянъ, съѣхавшееся на выборы. Бездѣльникъ и ябедникъ хочетъ попасть въ Предводители. Все, что употребляется въ подобныхъ случаяхъ, выведено наружу: подкупные голоса, *запасные* (техническое слово), заговоръ, попойка, стараніе завлечь добрыхъ людей въ свои плутни, все это видимъ въ комедіи, и сцены, гдѣ Авторъ списываетъ, а не выдумываетъ— превосходны. Комическое является тутъ само собою. Все 7-е явленіе 2-го дѣйствія не можете читать безъ смѣха и безъ негодованія, такъ-же какъ сцену обученія Запасныхъ, и многія другія, дѣлающія честь наблюдательному уму и оригинальности Автора.

Повторяемъ, что совсѣмъ не думаемъ мы выставлять *Дворянскихъ выборовъ* за *образцовую* комедію нашимъ комикамъ; она показываетъ только имъ богатство матеріяловъ, которые у нихъ подъ рукою, которыхъ они не видятъ, а потому не льзя не ска-

зать, что Авторъ *Дворянскихъ выборовъ* заслуживаетъ истинную благодарность желающихъ добра нашей Словесности, и что его должно извинить во всѣхъ недостаткахъ.

Да не подумаетъ кто-либо, что мы хотимъ унизить прежнихъ и нынѣшнихъ комиковъ нашихъ; совсѣмъ нѣтъ! Они слѣдовали и слѣдуютъ направленію, какое дали имъ начало комедіи въ Россіи, и обстоятельства, въ какихъ она развивалась. Не отвергаемъ и того, что, какъ между прежними были, такъ и въ числѣ нынѣшнихъ комиковъ нашихъ есть люди съ талантомъ; но если мы повторимъ, что Комедія наша, со временъ фонъ-Визина весьма мало подалась впередъ, это будетъ сущая правда, а за правду сердиться не должно. Наша Комедія имѣла Ломоносова въ фонъ-Визинѣ, но Карамзинъ для нея еще не являлся, и если есть что-либо хорошее въ ней, то это находится въ такомъ точно отношеніи къ другимъ отраслямъ Словесности, какъ стихи Петрова относятся къ стихамъ Пушкина. Но въ Лирической Поэзіи Державинъ существовалъ до Пушкина; не было-ли Державина и въ Русской Комедіи? Богъ знаетъ, а кажется не было.

Новымъ изданіемъ *Бригадира* и *Недоросля* мы одолжены новому Цензурному Уставу, которымъ свободно дозволено печатать всякія сочиненія и переводы, по прошествіи 25-ти лѣтъ отъ времени кончины Автора или Переводчика. Позволеніе совершенно справедливое, ибо, безъ него сочиненія и переводы, дѣлаясь собственностію книгопродавцовъ, наслѣдниковъ, или казенныхъ мѣстъ, доводили многія книги до безмѣрной цѣны, и не давали средства

публикѣ имѣть ихъ въ разныхъ изданіяхъ, по разнымъ цѣнамъ. А. С. Ширяевъ, напечатавъ вновь *Бригадира* и *Недоросля*, если не ошибаемся, первый воспользовался дозволеніемъ Цензурнаго Устава, и его примѣру, вѣроятно, не замедлятъ послѣдовать и другіе Г-да Книгопродавцы. Желательно, чтобы вновь были напечатаны, отдѣльно, Кантемиръ, избранныя сочиненія Ломоносова, Богдановича, Княжнина, и чтобы читатели получили чрезъ то удобство покупать не всѣ томы каждаго изъ сихъ Авторовъ, и не такъ дорого платить за нихъ, какъ угодно какому-нибудь издателю, который, Богъ знаетъ когда доставши право на шу или другую книгу, хочетъ быть вѣчнымъ откупщикомъ ума чужаго.

— *Цефей*. Альманахъ на 1829-й годъ. М. 1829 г., въ т. А. Семена, in 16, 255 стр.

На сей годъ предвѣщали намъ множество альманаховъ; донынѣ мы видѣли ихъ немного. Въ Москвѣ, кромѣ *Вѣнка Грацій*, не являлось еще ни одного литературнаго: Цефей дополняетъ сей недостатокъ. Если названіе: *Цефей*, покажется читателямъ непонятно, они могутъ просить у Астрономовъ истолкованія. Только *три* Автора, изъ помѣстившихъ свои произведенія въ этомъ альманахѣ, сказываютъ свои имена: Г-да *Григорьевъ*, *Ламьеръ* и *Стройскій*; другіе *восьмеро* скрыли свои имена подъ сокращеніями и знаками: *Ж—въ*, *К.*, *Степ—овъ*, *Стр.—*, *Ш—ій*, *Ю.*, *N. N.*, ***. Имена Издателей не объявлены. Полагаемъ, что это собраніе сочиненій и переводовъ юныхъ литераторовъ; но въ немъ есть пьесы достойныя вниманія. Таковы, напримѣръ,

три стихотворенія Г-на К. Жаль только, что они весьма растянуты. Переводъ одной сцены изъ Шиллеровой трагедіи: *Марія Стуартъ*, того-же Автора, очень хорошъ. Въ *Мысляхъ, выпискахъ и замѣчаніяхъ* Г-на N. N., точно есть мысли и остроумныя замѣчанія; статья: *О Классицизмѣ и Романтизмѣ*, Г-на ***, показываетъ, что Авторъ ея знакомъ съ настоящими понятіями объ Изящныхъ Искуствахъ. Желаемъ успѣха Гг-мъ Издателямъ Цефея. Жаль только, что магическое слово: *Альманахъ*, придало и Цефею предорогую цѣну другихъ альманаховъ—*десять рублей*.

СМѢСЬ.

Въ № XI Журнала мануфактуръ и внутренней торговли, помѣщены двѣ весьма важныя статистическія статьи: Обозрѣніе Россійскихъ мануфактуръ въ началѣ 1828 года, и Обозрѣніе Нижегородской ярмарки за 1828 годъ.

Хотя этого обозрѣнія мануфактуръ никакъ не льзя почесть полнымъ и достаточнымъ, по причинѣ несовершенства сбиранія вѣдомостей отъ фабрикантовъ (къ улучшенію чего принимаются Правительствомъ дѣятельныя мѣры); но изъ него видны однакожь приблизительныя счисленія. Вообще мануфактуръ, подлежащихъ завѣдыванію Мануфактурнаго Департамента, считается въ Россіи до

6000, а число работниковъ, на оныхъ занимающихся, простирается до 300 т. человѣкъ. Сюда не причислены мѣлкія фабричныя рукодѣлья, домашнее крестьянское производство, цѣховыя производства, заводы казенные, рудоплавные и горные. Главныя въ числѣ упомянутыхъ 6000 фабрикъ и заводовъ, суть: кожевенные, коихъ до 2000; бумажныхъ издѣлій, коихъ до 500; суконныхъ до 400; салотопенныхъ и мыловаренныхъ до 700; свѣчныхъ до 300; Фламскихъ полотенъ до 200; пошашныхъ до 200; хрустальныхъ и стеклянныхъ до 166; стальныхъ, игольныхъ, инструментальныхъ до 182; шелковыхъ издѣлій до 220.

На Нижегородскую ярмарку 1828 г. привезено было вообще товаровъ на 108 милльоновъ рублей; въ томъ числѣ отечественныхъ произведеній на 72 милльона; Китайскихъ на 15 милльоновъ; Персидскихъ, Грузинскихъ и Армянскихъ на $1\frac{1}{2}$ слишкомъ; иностранныхъ, Европейскихъ и колоніяльныхъ, почти на 14, Бухарскихъ и Киргизскихъ почти на $4\frac{1}{2}$ милльона.

Споры о чести изобрѣтенія не новость. Французы, Нѣмцы, Англичане, и даже Рускіе, оспориваютъ другъ у друга честь изобрѣтеній: то книгопечатанія, то пороха, или магнитной стрѣлки, очковъ, конной артиллеріи, и проч. и проч. Въ то-же время Оріенталисты стоятъ за честь Восточныхъ народовъ, увѣряя, что у нихъ Богъ знаетъ когда были уже извѣстны новости Европей-

скія, что на Востокѣ стрѣляли порохомъ до Бартольда Шварца, и печатали книги до Гуттенберга. Антикваріи возстаютъ съ другой стороны, ищутъ слѣдовъ изобрѣтеній у Грековъ, Римлянъ, Египтянъ, Финикійцовъ: есть цѣлыя книги, гдѣ отбиваютъ честь изобрѣтенія и открытія едвали не всего, чѣмъ гордится Исторія Математики, Физики, Химіи и Механики новыхъ Европейцовъ. Страннѣе всего, что часто новый изобрѣтатель, и не слыхивавшій о Діодорѣ или Плиніи, у которыхъ есть четыре, пять темныхъ строчекъ о томъ, надъ чѣмъ думалъ онъ полвѣка, отъ чего терпѣлъ нужду и гоненія, умираетъ бѣдный, неизвѣстный, а изобрѣтеніе его остается, увеличивается, совершенствуется, дѣлается источникомъ славы и богатства отечества, и споровъ между народами и учеными людьми.

Это мы говоримъ мимоходомъ, желая сказать читателямъ, что слава изобрѣтенія паровыхъ машинъ теперь оспорена у Англичанъ Французами. Донынѣ полагали, что Маркизъ Уорчестеръ, помѣстившій въ какой-то своей книгѣ описаніе паровой машины въ 1663 г., былъ *первымъ* ихъ изобрѣтателемъ. Напротивъ, Французами найдено, что ихъ соотечественникъ Соломонъ Ко (Caus), за 48 лѣтъ до Маркиза Уорчестера, т. е. въ 1615 г., въ книгѣ своей: Les raisons des forces mouvantes, avec diverses machines tant utiles que plaisantes, говорилъ о приложеніи пара къ Механикѣ, и *первый* предложилъ устроивать паровыя машины. Сіи машины такъ нынѣ сдѣлались важны, что имена совершен-

ствовавшихъ приложеніе пара въ Механикѣ должны быть сохраняемы Исторіею. Извѣстно, что первыя приложенія практически сдѣланы были Папиномъ въ 1690 году; послѣ сего знаменитаго ученаго дѣло шло медленно до Англичанина Ватта, котораго должно почитать настоящимъ устроителемъ паровыхъ машинъ. Англичане помнятъ и уважаютъ имя его, наравнѣ съ именами другихъ великихъ людей Англіи.

Въ Прибавленіяхъ къ Телеграфу прошедшаго года, мы писали о новоизобрѣтенномъ способѣ дѣлать всякія ткани непроницаемыми, посредствомъ пропитыванія ихъ каучукомъ, такъ, что ткань становится непроницаемою даже для воздуха, и не измѣняетъ притомъ своего цвѣта и вида. Важное изобрѣтеніе это перенято уже Французами отъ Англичанъ, и въ Парижѣ дѣлаютъ непроницаемыя шинели, платья; постели, подушки, набиваемыя воздухомъ. Не знаемъ, это-ли самое изобрѣтеніе перенесено теперь въ Петербургъ; по крайней мѣрѣ, Г-нъ Юнкеръ, содержатель Магазина на Невскомъ Проспектѣ, объявилъ въ С.Петербургскихъ Вѣдомостяхъ *о новомъ изобрѣтеніи, посредствомъ навода цилиндрами каучука, придавать всякимъ тканымъ товарамъ свойство непринимать влажности и не пропускать воздуха.* Онъ беретъ по 4 рубля асс. за отдѣлку квадратнаго аршина непроницаемой ткани. Дорого! Но зная ловкость

Русскихъ промышленниковъ, съ какою перенимаютъ они всѣ изобрѣтенія иностранцовъ, и умѣютъ подешевить ихъ, можемъ надѣяться, что Русскія издѣлія изъ непроницаемыхъ воздухомъ шканей скоро появятся у насъ повсюду и дешево будутъ продаваться. Только начать какое-бы то ни было дѣло сами Русскіе промышленники не мастера, а впрочемъ иностранцамъ никакъ за ними не угоняшься.

Россійское Страховое отъ огня Общество публиковало свой отчетъ за протекшій 1828-й годъ. Изъ онаго видно, что Обществомъ получено страховыхъ денегъ съ владѣльцовъ застрахованныхъ имѣній 917,878 руб. 97 к., и поелику изъ оныхъ положено было въ теченіе года болѣе 700 т. въ Банкъ, то Общество приобрѣло симъ распоряженіемъ еще 22,355 р. 39 к., да съ Акціонерскаго капитала, *двухъ милльоновъ рублей*, получено процентовъ 119,328 р. 22 к. Всего-же годовой доходъ Общества составлялъ 1,059,562 р. 58 к.—Изъ него израсходовано было на содержаніе конторъ, комисіонеровъ, и проч. 114,546 р. 86 к.; за пожарные же случаи заплачено *только* 74,474 *р. 22 к.; чистой прибыли* Обществу остается—870,541 р. 50 к., т. е. *болѣе* 40 *процентовъ* на капиталъ. Общество, получивъ исключительную привиллегію, конечно не можетъ ожидать соперничества, и слѣдственно, имѣетъ полную надежду, что предпріятіе его наградится и въ послѣдующіе годы такими-же,

и еще бо́льшими барышами. Они основаны на вѣрномъ, математическомъ разсчетѣ.

Въ № 3-мъ Телеграфа напечатанъ былъ отрывокъ изъ перевода Гётевой Трагедіи: *Ифигенія въ Тавридѣ*. Мы забыли при семъ случаѣ извѣстить читателей, что переводъ сей трагедіи Г-мъ Лихонинымъ совсѣмъ конченъ, и въ непродолжительномъ времени поступитъ въ печать.

Отдавая читателямъ нашимъ отчетъ о книгѣ Г-на Гуслистаго, мы находили, что время, назначаемое имъ для наученія дѣтей грамотѣ, совсѣмъ не мало, и что слѣдовательно метода Г-на Гуслистаго едва-ли можетъ назваться *ускоряющею* обученіе дѣтей граматѣ. Теперь, прочитавъ въ № 53 Прибавленій къ С.Петербургскимъ Вѣдомостямъ объявленіе Г-на Соткова (Никифора Алексѣевича), мы не можемъ удержаться, чтобы не изъявить нѣкотораго сомнѣнія объ успѣшности его методы, по причинѣ противной: скорости, съ какою Г-нъ Сотковъ берется выучить читать. Онъ говоритъ, что «въ три урока, люди незнающіе грамотѣ, получатъ отъ него такое понятіе, что послѣ сами собою могутъ пріобыкнуть къ чтенію книгъ.» Онъ объявляетъ притомъ, что описаніе методы его напечатано. Мы не видали этого описанія, и думаемъ, что если Г-нъ Сотковъ довольствуется только показаніемъ отношенія

согласныхъ буквъ къ гласнымъ въ складахъ, послѣ чего всякій конечно можетъ уже самъ разбирать склады, но все *трехъ уроковъ* для этого мало. Желательно-бъ было, чтобы любители просвѣщенія, живущіе въ Петербургѣ, обратили вниманіе на методу Г-на Сошкова, и если она въ самомъ дѣлѣ такъ хороша и легка, то, почему не распространить ее, и не вознаградить почтеннаго изобрѣтателя за трудъ его, полезный и достохвальный, всякимъ ободреніемъ?

Въ *Сѣверной Пчелѣ* (Марта 16-го № 33-й) напечатано извѣстіе о необыкновенномъ происшествіи въ Китайской Литературѣ. Просимъ извиненія у Гг-дъ Издателей Сѣверной Пчелы въ *перепечаткѣ* изъ ихъ газеты: мы не умѣемъ читать Китайскихъ оффиціяльныхъ газетъ и не имѣемъ иного средства доставить нашимъ читателямъ свѣдѣніе о семъ любопытномъ событіи.

Въ Пекинской оффиціяльной Газетѣ 15 числа III луны, напечатано слѣдующее любопытное рѣшеніе Китайской Палаты Церемоній: «Въ 9-й годъ правленія *Дао-Гуанъ*, 10 числа III луны. Въ засѣданіи Высокостепенной Палаты *Да-ли-сы* (*), послѣ разсужденія о пяти добродѣтеляхъ, шести обязанностяхъ и семи приличіяхъ, Высокопочтенные *Дзины*, *Гу-сы-джины* и *Дзо-сы-джины*,

(*) Такъ называется Палата Церемоній.

т. е. Предсѣдатели и Засѣдатели правой и лѣвой стороны, слушали представленіе Высокопочтеннаго *Ды-дy-сіо-джина* Южной Столицы (*), который изъясняетъ слѣдующее: Младшій братъ *Ды-дy-сіо-джинъ* Южной Столицы Небесной Имперіи, долгомъ поставляетъ представить старшимъ своимъ братьямъ, присутствующимъ въ Палатѣ Церемоній Сѣверной Столицы, что предсѣдательствуемая имъ Палата стиховъ и прозы исправно печется о соблюденіи въ Южной Столицѣ правилъ пяти добродѣтелей, шести обязанностей и семи приличій, и старается согласовать между собою противоборствующія дѣйствія матеріи движущейся и матеріи неподвижной, изъ коихъ состоятъ всѣ предметы вещественнаго міра. Но Палата стиховъ и прозы не можетъ никакъ управиться съ Журналистами Южной Столицы, у коихъ всѣ матеріи такъ перемѣшаны, что отъ сего вскорѣ воспослѣдуетъ совершенный хаосъ въ головахъ ихъ читателей. Журналистъ *Чунъ-пхунъ-жуй-га-юань-гунъ-ши-дзы*, напечаталъ на Журналиста *Гай-ганъ-тунъ-пхинъ-хой-бу-бо-ли* жестокую критику, въ которой доказываетъ, что сей послѣдній ничего не знаетъ, ничего хорошаго не сочинилъ и потому не имѣетъ никакого права на довѣріе читателей къ стран-

---

(*) *Ды-дy-сіо-джинъ* есть главный чиновникъ по ученой части въ областяхъ Китайской Имперіи, въ коей имѣются двѣ столицы, т. е. *Пе-кинъ*, или Сѣверная столица, и *Нан-кинъ*, или Южная столица. *Прим. Сост.*

нымъ мнѣніямъ, провозглашеннымъ отъ него въ издаваемомъ имъ Журналѣ. Журналистъ *Гай-чанъ-тунъ-пхинъ-хой-бу-бо-ли* есть, какъ извѣстно, мандаринъ третьей степени и членъ *Хань-линя*, ученаго сословія Южной Столицы Небесной Имперіи. Обидясь сими смѣлыми замѣчаніями Журналиста *Чунъ-пхунъ-жуй-га-юань-гунъ-ши-дзы*, Журналистъ-мандаринъ *Гай-чанъ-тунъ-пхинъ-хой-бу-бо-ли* внесъ въ собраніе *Хань-линя* жалобу на дерзость своего противника, и въ доказательство того, что онъ все знаетъ и имѣетъ неоспоримое право на довѣріе публики къ его мнѣніямъ, представилъ собранію золотой шарикъ своей мандаринской шляпы, четыре жалованныя ему павлиньи пера и двѣнадцать большихъ пуговицъ съ изображеніемъ дракона. Кто осмѣлится противорѣчить столь яснымъ доказательствамъ ума мандаринова? Собраніе *Хань-линя* заключило единогласно, что золотой шарикъ, украшающій верхушку остроконечной шляпы почтеннаго *Гай-чанъ-тунъ-пхинъ-хой-бу-бо-ли*, его павлиньи перья и большія вызолоченныя пуговицы совершенно удостовѣряютъ, что онъ все знаетъ, имѣетъ право судить обо всемъ, какъ ему угодно, и всѣ обязаны безпрекословно вѣрить ученымъ его приговорамъ; что слѣдовательно противникъ его *Чунъ-пхунъ-жуй-га-юань-гунъ-ши-дзы*, обидѣвъ сими укоризнами личную честь мандарина и достоинство его золотыхъ шариковъ, павлиньихъ перьевъ и большихъ позолоченныхъ пуговицъ, нарушилъ тѣмъ самымъ правила пяти добродѣтелей, шести обязанностей и семи приличій, и, по законамъ Не-

бесной Имперіи, заслуживаетъ наказаніе 80 ударами бамбуса по пятамъ. Въ слѣдствіе сего собраніе *Хань-линя* требуетъ отъ Палаты стиховъ и прозы, чтобы оная приняла мѣры къ наказанію дерзнувшихъ утверждать передъ лицемъ всей Небесной Имперіи, что можно быть невѣждою, нося золотой шарикъ на шляпѣ, павлиньи перья за ухомъ, и пуговицы съ изображеніемъ дракона, на кафтанѣ. И дѣйствительно, это заслуживаетъ наказаніе. Палата стиховъ и прозы признаетъ мнѣніе собранія *Хань-линя*, достойнымъ уваженія; ибо говоритъ, что золотой шарикъ на остроконечной шляпѣ не означаетъ ума, противно ненарушимымъ законамъ вещественнаго міра и дѣйствію двухъ матерій, движущейся и неподвижной. Но *Сянъ-гунъ*, одинъ изъ засѣдателей лѣвой стороны сей Палаты, полагаетъ, что мнѣніе ученаго собранія *Хань-линя* неосновательно, и что можно быть набитымъ невѣждою, нося золотые шарики, не только на верхушкѣ шляпы, но и на концѣ носа и на оконечностяхъ всѣхъ двадцати пальцевъ, имѣя сверхъ того все тѣло покрытое павлиньими перьями. Это совершенно непонятно! Далѣе *Сянъ-гунъ* изъясняетъ, что мудрое правленіе *Дао-Гуань*, начертавъ благоразумныя правила для Палаты стиховъ и прозы, имѣло только въ виду удержать писателей въ предѣлахъ осторожности, и отнюдь не дало сей Палатѣ права порабощать свободу мыслей; напротивъ того, споспѣшествуя потребностямъ просвѣщенія и вѣка, оно старается сими правилами способствовать успѣхамъ разума, и же-

лая совѣшоваться съ общественнымъ мнѣніемъ и съ мыслящими писателями, само вызываетъ ихъ разсуждать о предметахъ, относящихся къ просвѣщенію и торговлѣ, о сочиненіяхъ издаваемыхъ отъ казенныхъ мѣстъ, и слѣдственно писанныхъ мандаринами съ золотыми шариками и съ павлиньими перьями, и проч. и проч.—Теперь неизвѣстно, что дѣлать? Подлинно, трудно рѣшить сей столь важный вопросъ. Почему Палата стиховъ и прозы Южной Столицы, по правиламъ семи приличій, семь разъ нижайше покланяясь въ стихахъ и въ прозѣ предъ высокостепенною Палатою Церемоній Сѣверной Столицы, испрашиваетъ рѣшенія ея въ семъ дѣлѣ. Сверхъ сего, замѣчая, что Журналисты Кишайскіе, въ издаваемыхъ ими сочиненіяхъ, ругаютъ другъ друга безъ церемоній, покорнѣйше проситъ высокостепенную Палату Церемоній предписать на будущее время правила, основываясь на коихъ, можно было-бы въ извѣстныхъ случаяхъ остановить сію журнальную брань, столь безполезную для Словесности, и противную духу десяти тысячь церемоній, искони существующихъ въ Небесной Имперіи. Палата Церемоній, по зрѣломъ соображеніи всѣхъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ, опредѣлила отвѣчать Палатѣ стиховъ и прозы Южной Столицы, что она совершенно согласна съ мнѣніемъ засѣдателя лѣвой стороны *Сянъ-гуна*, и что въ замѣчаніяхъ Журналиста *Чунъ-пхунъ-жуй-га-юанъ-гунъ-ши-дзы*, на Журналиста-мандарина *Гай-ганъ-тунъ-пхинъ-хой-бу-бо-ли*, относящихся единственно къ его литтерашурнымъ

заняшіямъ, оно неусматриваетъ ничего оскорбительнаго, какъ для личной его чести, такъ и для его шариковъ, перьевъ и пуговицъ; что-же касается до жестокой брани нѣкоторыхъ Китайскихъ Журналистовъ, то раздѣляя съ Палатою стиховъ и прозы желаніе, чтобы вообще литературная полемика приняла въ Небесной Имперіи тонъ приличнѣйшій и благороднѣйшій, Палата Церемоній, не находя въ законахъ никакого воспрещенія Журналистамъ говорить взаимно себѣ грубости и колкости, полагаетъ, что исправленіе сего недостатка надобно предоставить успѣхамъ просвѣщенія и общему вкусу публики; если-же нынѣшняя Китайская публика столь мало имѣетъ онаго, что покупаетъ подобныя ругательства и брани, то пускай и читаетъ оныя. Почитайте сіе.»

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Au spectacle de la Cour, une dame avait un *chapeau Cardinal* en velours cerise, orné de sept plumes blanches, dont cinq en dessus et deux en dessous. Sur le chapeau d'une autre dame était un bouquet de plumes d'autruche bleues, comme sa robe.

Les coeffures ornées de fleurs, quoique fort élevées, paraissaient basses auprès de celles qui étaient surmontées de plumes. Les fleurs n'étaient point éparses ; mais disposées en cordon, en guirlande.

Les robes si décolletées que beaucoup de femmes avaient les épaules presque entièrement en dehors de leur robe : la mantille de blonde diminuait cette nudité.

Avec une robe bleue, des plumes bleues ; avec une robe rose, des plumes couleur de rose ; plus généralement, des plumes blanches, même avec des robes bleues, couleur de rose, cerise, etc.

Les petites manches de Cour les plus nouvelles étaient en *béret*, à gros tuyaux ou plis comme brisés dans leur milieu, de manière à monter vers l'épaule et à descendre vers le poignet.

(*) До 5 Марта (н. с.) 1829 года.

Le dernier concert du Wauxhall n'était pas le plus remarquable, sous le rapport du chant surtout.

Toilettes dans la salle :

Le rose vif, en coeffures surtout, dominait à tel point que d'abord les yeux ne se reposaient que sur cette couleur.

Mad. T. avait une robe de velours noir, et un boa en ventre de marabout ; un chapeau de crêpe-crêpé blanc, orné d'un saule blanc, et de blonde blanche, tandis que la robe était garnie de blonde noire.

Des robes moins habillées, en vert de toutes les nuances, en bleu, en gris, avaient une poche, à droite. Cette poche dans laquelle une élégante met la main de tems à autre, semble être de rigueur pour les robes qui ne sont pas de grande toilette.

Manches *à la mameluck*, avec croissant froncé à mille plis au bas de l'épaule.

Dans les bals de la Cour on a vu des robes et des coleretes garnies d'une sorte de blonde, appelée *blonde-gaze*, qui est travaillée au métier de Cachemire.

Le grand genre, au concert et au bal, quand une dame ne danse pas, est d'avoir une robe de gourgouran blanc broché à fleurs blanc sur blanc, ou bleue à fleurs de diverses nuances, disposées en colonnes. Ces robes ont un corsage drapé et des manches courtes.

On citera longtemps, pour la quantité de plumes et de pierreries, les toilettes qui garnissaient, le 23 février, la salle de l'Opéra.

Plusieurs dames avaient sur le milieu du front, une plaque gothique en pierres de couleur, et, dans les cheveux, un oiseau de paradis ou un héron.

La plus riche de toutes les coeffures, était sans contredit la suivante: Peigne à triple rang de brillans, deux papillons en diamans, enfin chatons en diamans, formant bandeau, et faisant, en outre, deux fois le tour d'une natte de cheveux.

Une dame avait dans les cheveux deux flèches en or. La fusée que ces flèches traversaient, était extrêmement haute.

Les chapeaux *à l'espagnole*, en velours, ne sont pas les seuls dont le dessus de la forme soit plissé en coquille; on plisse de la même façon les chapeaux habillés ordinaires.

Придворный спектакль. Въ одномъ изъ придворныхъ спектаклей замѣчены слѣдующія моды:

Кардинальская шляпка, изъ вишневаго бархата, убранная семью бѣлыми перьями, изъ коихъ пять вверху, два внизу шляпки.—На другой дамѣ была шляпка съ букетомъ строусовыхъ перьевъ голубаго цвѣта, подъ цвѣтъ платья сей дамы.—Уборки головъ съ цвѣтами, хотя и весьма высоки, но все кажутся низкими при уборкахъ съ перьями; цвѣты не разбрасываются нынѣ по головѣ, но располагаются цѣпями, и гирляндами.—Платья дамскія дѣлаются такъ открыты, что у многихъ дамъ

плеча совершенно обнажены, и только блондовая обшивка уменьшаетъ нагошу груди и спины. — Съ голубымъ платьемъ и перья носятъ голубыя, съ розовымъ розовыя; но всего болѣе видно бѣлыхъ перьевъ, даже съ цвѣтными платьями, голубыми розовыми, вишневыми, и ш. д.—Маленькіе рукавчики у платьевъ придворныхъ, самые новые, дѣлаются *беретные*, огромными дудками, или складками, какъ будто переломленными въ срединѣ, такъ, что одна половина ихъ идетъ къ плечу, другая къ локтю.

Концертъ въ Воксалѣ. Послѣдній воксальный концертъ былъ не замѣчателенъ, особливо касательно пѣнія.

Замѣченныя моды:

Яркій розовый цвѣтъ, особенно въ головныхъ уборкахъ, преимуществовалъ до такой степени, что при первомъ взглядѣ, казалось, только и видишь этотъ цвѣтъ въ дамскихъ нарядахъ.

Г-жа Т. была въ черномъ бархатномъ платьѣ, съ *боа* изъ марабу; шляпка бѣлая, крепъ-креповая, украшенная бѣлою *ивою*, и бѣлыми блондами, хотя платье и было убрано черными блондами.

Не столь нарядныя платья, цвѣта зеленаго, всѣхъ оттѣнковъ, также голубаго, сѣраго, были съ карманами на правой сторонѣ. Такой карманъ, въ кошорый дама отъ времени до времени кладетъ руку, кажется, входитъ въ моду, для всѣхъ платьевъ не составляющихъ большаго наряда.

Мамелюкскіе рукава, съ полумѣсяцомъ, сложеннымъ въ множество складокъ ниже плеча.

Модныя платья. На придворныхъ балахъ нѣкоторыя изъ дамъ являлись въ платьяхъ и колеретках, убранныхъ особеннымъ родомъ блондъ, называемыхъ *блонды-газъ*, которыя шкутся на манеръ кашемировыхъ шканей.

Если дама не танцуетъ на балѣ, то приличія высшаго тона требуютъ, чтобы она одѣта была въ бѣлое гургурановое платье, съ бѣлыми цвѣтами, или голубое, съ цвѣтами разныхъ оттѣнковъ, расположенными въ колонны. Такія платья надѣваютъ и въ концертъ; корсажъ у нихъ бываетъ драпированный и рукава короткіе.

Головные уборы. Долго будутъ говорить дамы о нарядахъ, замѣченныхъ въ Оперномъ спектаклѣ 23 Февраля; щегольскія головныя уборки были многочисленны. Головной уборъ нѣкоторыхъ дамъ состоялъ въ слѣдующемъ: на срединѣ лба, Готической формы бляха, изъ цвѣтныхъ дорогихъ каменьевъ, и съ райскою пшичкою, или цаплею, въ волосахъ.

Самая богатая уборка, безъ сомнѣнія, была слѣдующая: гребенка, съ тремя рядами брилльянтовъ, двѣ алмазныя бабочки, и наконецъ, алмазная нитка въ видѣ повязки, два раза обогнувшая плетушку волосовъ.

У одной дамы были на головѣ двѣ золотыя стрѣлы; пукъ волосовъ, сквозь который онѣ проходили, отличался вышиною.

Не однѣ *Испанскія* бархатныя шляпки дѣлаются со складками на верхней сторонѣ полей, въ видѣ

раковины; такимъ образомъ дѣлаютъ теперь поля у обыкновенныхъ нарядныхъ шляпокъ.

ПАРИЖСКІЯ ВѢСТИ

для

Читателей и читательницъ модъ.

Вѣсти важныя и любопытныя! Какая надобность, что во Французской Палатѣ Депутатовъ начались споры о государственныхъ предметахъ; что Французы стали жаловаться на усиленіе овцеводства въ Россіи, и просятъ запретить ввозъ Русской мериносовой шерсти: читатели и читательницы модъ, конечно требуютъ *не такихъ* вѣстей. Поговоримъ о Парижскихъ бездѣлкахъ.

Недавно у Герцога Орлеанскаго данъ былъ великолѣпный балъ; гостей явилось болѣе 1200. Герцогиня Ангулемская пробыла на балѣ до 2-го часа по полуночи, а Герцогиня Беррійская возвратилась въ Тюльери въ 5 часовъ утра; танцовали въ трехъ залахъ. Наряды дамъ были великолѣпные и изящные; каковы-же были наряды, которые и въ этомъ блескѣ замѣчены? Вотъ два отличнѣйшіе наряда:

1-й. Платье изъ Норвичьскаго крепа, яркаго розоваго цвѣта; выше колѣнъ была у него рисованная гирлянда, представляющая дубовыя вѣтви, съ золотымъ шитьемъ; къ этому дубовая гирлянда въ волосахъ: такая уборка головы называется à la

druidesse (*); букетъ изъ дубовыхъ вѣтокъ на боку платья, вмѣсто букета цвѣтовъ; поясъ кружевной.

2-й. Платье изъ бѣлаго крепа, съ рисованною гирляндою выше колѣнъ, сосставленною изъ колокольчиковъ, пурпуровыхъ и оранжевыхъ съ золотомъ, и голубыхъ съ серебромъ, съ прибавленіемъ зеленыхъ листьевъ, вышитыхъ золотомъ. Гирлянды на головѣ и букетъ на груди также изъ колокольчиковъ.

Въ Венгерской кадрили, дамы были въ желтыхъ полусапожкахъ со шпорами, которыми били онѣ въ извѣстныхъ промежуткахъ музыки.

Мужчины, большею частію, были въ синихъ и темныхъ фракахъ; въ жилетахъ шелковыхъ, яркихъ цвѣтовъ, съ золотомъ и серебромъ, въ огромныхъ бѣлыхъ галстухахъ, п—важное обстоятельство! — у многихъ, кончики рубашки не были выставлены изъ подъ-галстуха. Шляпы клаки, трехъ-угольныя, съ стальнымъ виткомъ.

Вотъ новости для охотниковъ до десерта. У Парижанъ вошло въ моду ставить на столъ арфы, у которыхъ низъ составляетъ померанцовое, а края миндальное печенье; струны дѣлаются изъ жженаго сахара. Далѣе: ставятъ на столъ сахарныя мѣльницы, и скрытый внутри ихъ механизмъ заставляетъ колеса или крылья мѣльницъ вертѣть-

---

(*) *Уборка Друидъ.* Друидъ, Друида: имена жрецовъ и жрицъ древней Галліи. *Примѣчаніе для дамъ.*

ся; шары сахарные, полупрозрачные, у которыхъ внутри горитъ свѣчка, такъ, что если шаръ оранжевый, онъ кажется заходящимъ солнцемъ; голубой — полною луною; бѣлый—снѣжнымъ шаромъ; красный— клубомъ огня.—Фрукты подаютъ нынѣ на огромныхъ виноградныхъ листьяхъ, которые дѣлаются изъ бумаги.

На приложенной картинкѣ:

Дама. Газовое платье, убранное золотомъ; корсажъ драпированный; на груди булавка, съ пряжкою *Севинье.*

ПРИБАВЛЕНІЕ
КЪ
МОСКОВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ.

№ 5. *Мартъ* 1829.

О НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ

ИСКУСТВА УКРАШАТЬ САДЫ.

Уже около пятидесяти лѣтъ прошло съ того времени, какъ явилась мода на живописные сады: нынѣ, только они и въ модѣ у Европейцовъ. Въ каждой странѣ еще сохраняютъ, правда, по привычкѣ, по уваженію къ старинѣ и къ основателямъ, три, четыре королевскихъ сада, устроенныхъ по прежнему вкусу, поддерживаютъ ихъ, и щадятъ отъ разрушенія. Но сіи древніе свидѣтели временъ минувшихъ не имѣютъ уже приверженцовъ: мы любимъ, мы разводимъ только Англійскіе парки, или, выражаясь новѣйшимъ образомъ, *живописные сады*. Нынѣшній вкусъ нашъ въ садоводствѣ дошелъ до такой степени нетерпимости, которой не найдемъ примѣровъ и въ Изящныхъ Искуствахъ. Мы позволяемъ, если кому хочется, быть приверженцомъ старинной музыки; поз-

воляемъ, если кому вздумается, предпочитать Гольбеина и Перуджина, не только Давиду и Жироде, но Тиціану и самому Рафаэлю; наконецъ, если кому угодно, тотъ можетъ, безъ всякой опалы на вкусъ свой, предпочитать старинные переплеты, старинные мебели и Севрскій фарфоръ всему новому въ сихъ предметахъ. Но сохранить сколько нибудь привязанности къ старинным регулярнымъ садамъ, изъявить объ нихъ, хоть малѣйшимъ словцомъ, сожалѣніе, никто изъ насъ конечно не посмѣетъ и не подумаетъ. Согласимся впрочемъ, что сады чисто-симметрическіе, особливо сады Французскіе, съ весьма малыми исключеніями, такъ были странны, такъ смѣшны даже, что объявить себя ихъ защитникомъ, значитъ показать гораздо болѣе дурнаго вкуса, нежели смѣлости. Потому, да не подумаютъ читатели наши, что мы хотимъ заступаться за старинные сады, хотимъ уговаривать опять обратиться къ нимъ; нѣтъ, мы далеки отъ желанія возстановить старинные сады наши; но, присоединяясь къ приверженцамъ торжествующаго нынѣ вкуса, мы хотимъ только, для пользы-же нынѣшнихъ садовъ нашихъ, разсмотрѣть забытое дѣло двухъ соперниковъ, и, можетъ быть, укажемъ на выгоды, какія нынѣшній вкусъ можетъ позаимствовать отъ прежняго, оставленнаго всѣми. Наша статья есть трактатъ о разграни-

ченіи взаимныхъ владѣній, договоръ съ добрымъ намѣреніемъ придумываемый.

Послѣ каждаго волненія люди ступаютъ шагъ впередъ: это равно справедливо въ исторіи садовъ, и въ исторіи человѣчества. Такимъ образомъ, какъ ни самовольна, какъ ни насильственна была революція, низвергнувшая владыку садовъ Леноттра, и провозгласившая преемницею его, и единственною законною владычицею садовъ, Природу, мы не хотимъ жаловаться на эту революцію. Она ниспровергла липовыя стѣны, грабиновыя вырѣзки, буксовыя фигуры; она избавила отъ ширанской власти серпа и ножницъ всѣ несчастныя деревья, которыя обрѣзывали, коверкали, стригли раза по три въ годъ: она возвратила имъ свободное расположеніе ихъ вѣтвей, листовъ, формъ естественныхъ и надлежащихъ; безспорно, это все ея благодѣянія; но для чего всегда, попавши однажды на дорогу нововведеній, людямъ такъ трудно остановиться кстати и во время? Для чего не можемъ мы измѣнить даже какой нибудь бездѣлицы безъ того, чтобы не хотѣлось намъ измѣнить все совершенно; для чего осуждены мы всегда впадать изъ одной крайности въ другую? Основаніе старой системы было *архитектурное*; основаніе новой сдѣлалось исключительно *живописное*. Прежде, одной Архитектурѣ отданы были, какъ ея

собственность, три основныя стихіи садовъ: земля, вода, деревья, и она располагала ими по своей волѣ, обходилась съ ними, какъ съ каменьями, заставляла ихъ уравниваться, течь, расти по неумолимой симметріи и линіямъ. Все это утомило насъ; прекрасно! Мы возстали, мы освободились; но для чего-же? Чтобы подпасть власти другаго деспота, еще болѣе Зодчества прихотливаго и самовластнаго. Ландшафтная живопись располагаетъ теперь у насъ каждымъ деревцомъ, каждою струйкою воды, каждымъ клочкомъ зелени. Мы рабы ландшафтовъ; мы не смѣемъ подумать отступить отъ законовъ ландшафтности, и если прежде сады наши были *архитектурныя перспективы*, теперь они *поддѣльные ландшафты*. И никто не вспомнитъ о бѣдной Архитектурѣ: она изгнана; о возвращеніи ея никто не думаетъ позаботиться на будущее время, никто не помыслитъ о примиреніи и соглашеніи! Мы увѣрены, что настало время подумать о несправедливости нашей. Нынѣ, когда *эклектизмъ* (т. е. соединеніе и соглашеніе различныхъ мнѣній) въ такой модѣ, за чѣмъ не попытаться быть эклектиками и въ садахъ? Не ужели въ садахъ нашихъ нѣтъ уже мѣстечка, на которомъ-бы, не нарушая законовъ Живописи, не оскорбляя друзей природы, Архитектура могла усладить наше зрѣ-

ніе своими правильными размѣрами, своими величественными дѣйствіями (effets grandioses), своею поэзіею? Кажется, ничего не можетъ быть легче, и это постараемся мы показать здѣсь. Можетъ быть читатели наши согласятся, что не подвергая линейкѣ и циркулю деревья, растенія и луга, не надобно также и объявлять рѣшительной войны камню и мрамору; что террасы, срѣзы, откосы (rampes) и балюстрады могутъ соединяться съ вольнымъ произрастаніемъ и неправильнымъ насажденіемъ; что изъ соединенія противоположностей должны явиться сильныя дѣйствія, и что, можетъ быть, тогда только избавятся сады наши отъ прозаическаго единообразія, сдѣлавшагося нынѣ неизбѣжнымъ недостаткомъ нашей системы живописныхъ садовъ.

Мы сказали, что еще не прошло и полувѣка тому, какъ Архитектура лишена во Франціи своего владычества надъ садами; въ Англіи такая перемѣна совершилась лѣтъ пятьдесятъ прежде. Если спросишь о правахъ Архитектуры у Исторіи, то, конечно, давность утвердитъ сіи права неоспоримыми, и можно сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ сады въ мірѣ, законы Архитектуры всегда первенствовали при ихъ устройствѣ. Изъ этого исключимъ мы развѣ одинъ только Эдемъ. Эдемъ былъ, конечно, первый въ мірѣ

садъ: и какъ рады этому наши охотники до живописныхъ садовъ! Они ссылаются на Эдемъ, какъ на старую грамату ихъ первенства: тамъ, говорятъ они, началась система нашихъ садовъ. Но развѣ Эдемъ былъ неправильный садъ? Вѣроятно, хотя и нѣтъ доказательствъ. Впрочемъ, мнѣ случилось видѣть старую Голландскую картину, на которой древо познанія добра и зла изображено было на прелестной террасѣ, окруженное стриженными аллеями. Правда, Мильтонъ и здравый смыслъ ставятъ его совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ; но кто-же меня увѣритъ, если аллеи Эдема не были прямы и обстрижены, что онѣ были круглыя, угловатыя? Скорѣе соглашусь, что въ Эдемѣ совсѣмъ не было аллей, или, говоря тоже иначе, Эдемъ былъ не садъ, такъ, какъ и Туренъ не садъ, хотя и зовутъ его садомъ Франціи. Словомъ: Эдемъ не рѣшаетъ преимуществъ ни того ни другаго рода садовъ.

Тоже скажемъ мы и о Гесперидскихъ садахъ, хотя и есть кой-какія доказательства, по которымъ можно предположить ихъ нѣсколько неправильными. Во первыхъ: тамъ были померанцы; слѣдовательно, не всѣ деревья были тамъ обстрижены на манеръ пирамидъ и шаровъ; во вторыхъ, всѣ поэты увѣряютъ, что Гесперидскіе сады были живописные. Но вѣрить ли поэтамъ? Мало-ли въ чемъ они увѣ-

ряютъ, а дѣло о садахъ Гесперидскихъ преза-пущанное, и если скажутъ, что Гесперіды были *среднимъ садомъ*, между правильными и неправильными, мы охотно согласимся.

Но когда явилось въ мірѣ Искусство, когда однажды начало оно создавать статуи, портики, колонады, то оно вмѣшалось и въ устройство садовъ, и тутъ всѣ сомнѣнія въ сторону. Друзья природы и неправильности садовъ говори, что имъ угодно: мы указываемъ на сады Семирамиды, а съ ними трудно будетъ уладить живописнымъ садамъ. Не входимъ въ ученое изслѣдованіе о славныхъ садахъ Вавилонскихъ: были-ль они дѣйствительно повѣшены на воздухѣ, какъ орлиные гнѣзда? или они были только цвѣточныя корзины (jardinières), поддерживаемыя цисячью колоннъ? Скорѣе, не были-ль они просто нѣсколько-этажныя террассы, поставленныя одна на другую, какъ Изола-Белльскія на озерѣ Маджіорскомъ? Не смѣемъ ничего рѣшить; но, какъ-бы то ни было, утверждаемъ, что въ садахъ Семирамиды, все дѣлала Архитектура: это очевидно.

Если съ Востока, мы завернемъ въ Грецію, опять порядокъ и согласіе являются намъ первымъ закономъ въ искусствѣ украшенія садовъ. Начиная съ полей Алкиноя до садовъ Эпикура, съ философическихъ сѣней Академіи, до восхитительныхъ боскетовъ Фриней, въ Греціи

все подчинено было правиламъ вѣчной красоты, изящнымъ размѣрамъ, которые Каллимахи, Скопасы, и ихъ сподвижники, открыли и утвердили. Не забудемъ, что Греки, обладавшіе изящнѣйшимъ чувствомъ приличія и вкусомъ, никогда не рѣзали своихъ прекрасныхъ деревьевъ, чтобы образовывать изъ нихъ арки и стѣны: у нихъ не найдете вы никакого слѣда несносной растительной Архитектуры (végétale), если можно такъ выразиться. Яворы Академіи осѣняли храмъ Музъ, и брызжущіе у корней своихъ фонтаны, вѣтвями столь-же свободными, сколь онѣ были величественны.

Напротивъ, Римляне, у которыхъ холодный основательный умъ никогда не умѣлъ нѣжно и со вкусомъ переводить къ себѣ созданія Грековъ, Римляне, подражавшіе великимъ твореніямъ Греціи только для того, чтобы сдѣлать ихъ тяжелыми и увеличенными, обезобразили изящное расположеніе Греческихъ садовъ множествомъ неизящныхъ украшеній, и между прочимъ стриженными, изваянными кустарниками. Читайте мѣлочное описаніе, какое оставилъ намъ Плиній о своемъ любимомъ садѣ: вы не войдете въ аллею сада его безъ того, чтобы на право и на лѣво не было у васъ прямыхъ стѣнокъ кустарника, гладко обрубленнаго, чисто обчесаннаго, чтобы не встрѣтились вамъ сфинксы, грифоны, и другія животныя, раз-

ставленныя сторожами отъ одного мѣста до другаго: вы точно будете, какъ будто перенесены въ какой нибудь Элизій госпожи Помпадуръ. Правда, что во времена Плинія искусства мало по малу шли уже къ упадку. Уже близилось время, когда безобразная масса дворца въ Спалатро должна была явить совершенное забвеніе Греческихъ формъ, когда возстановляя храмъ ставили колонны его внизъ верхомъ. Можемъ полагать, что сады Лукулла и Сенеки присоединяли, безъ сомнѣнія, къ изяществу Плиніева сада, украшенія болѣе прекрасныя, болѣе достойныя Грековъ.

Переносясь теперь въ средніе вѣки, найдемъ-ли мы симметрическія формы изгнанными изъ садовъ? Воспоминаніе Германскихъ лѣсовъ внушало-ль нашимъ предкамъ вкусъ къ извивистымъ дорожкамъ, къ уравненіямъ земли страннымъ и неправильнымъ? Нѣтъ; посмотрите въ старыхъ замкахъ на полосу земли, воздѣланную мощными руками рабовъ, и стѣсненную между толстыми стѣнами, прикрытыми огромными бастіонами, и зубчатыми хоромами, съ узкими угловатыми окнами: тутъ, въ правильныхъ квадратахъ росли огородные овощи, кое-какіе фрукты, и нѣсколько грубыхъ цвѣтовъ: вотъ садъ среднихъ вѣковъ! По волѣ или по неволѣ, аллеи такихъ садовъ были прямыя, ибо онѣ шли по протяженію рвовъ; вѣрно не было

тутъ живописныхъ видовъ и самыхъ украшеній было очень мало: развѣ, далеко одна отъ другой, подъ тѣнью стѣнъ и бастіоновъ, торчали бесѣдки. Много вѣковъ прошло, пока искусство садоводства освободилось изъ сей тѣсной тюрьмы. Наконецъ, нравы смягчились: не всякій уже казался другому врагомъ; не всякій домъ, по необходимости, дѣлался крѣпостью. Подкрѣпляемые своими вассалами, покровительствуемые сильными союзниками, владѣтели замковъ осмѣлились пробить свои стѣны, и—вотъ открылось имъ сообщеніе съ сосѣднимъ полемъ; вскорѣ это поле обработали, загородили, превратили въ лугъ. Тутъ еще не все: замѣтили, что ближній лѣсъ обилуетъ дичью, которая составляетъ завидное лакомство; надобно было сберечь этотъ лѣсъ отъ воровъ дичины, и—палисады окружили лѣсъ. Вотъ начало парковъ; паркъ соединялся съ лугомъ, лугъ съ замкомъ. Такова исторія почти всѣхъ увеселительныхъ домовъ XVI вѣка.

Подобныя соединенія замковъ съ лугами и парками, какъ мы видимъ, были рѣшительно дѣло случая: планы садовъ составлены были первоначально обстоятельствами; но вскорѣ такіе планы сдѣлались закономъ вкуса. По естественному дѣйствію подражанія (чему есть много примѣровъ), владѣтели замковъ,

устроивавшіе для себя вновь сады, нарочно принимали въ образецъ старые сады, устроенные постепенно и безъ предваритьльнаго плана. Сдѣлалось обычаемъ: между лѣсомъ и замкомъ, т. е. между областью Природы и Архитектуры, непремѣнно оставлять частицу пространства средняго, гдѣ Архитектура сохраняла еще часть своихъ правъ, а Природа начинала, такъ сказать, испытывать свои права. Украшать это посредствующее мѣсто кустами, цвѣтами, и другими естественными уборами, но въ тоже время обрисовывать ихъ очерки балюстрадами, красиво изваянными, раздѣлять на этажи неровность земли, помощію террасъ и съѣздовъ: таковъ былъ обычай вѣка возрожденія искусствъ и вкуса. Украшенные луга, или почетные дворы (Cours d'honneur) были, и преддверіемъ лѣса, и продолженіемъ замка. Это было средство сблизить, соединить, слить воедино, нечувствительною постепенностью, два рода мѣстоположеній, которыя нынѣ представляются намъ непріятелями несогласимыми. Такимъ образомъ, искусство садоводства, едва начинаясь, рѣшило уже задачу трудную, и касалось своего совершенствованія, ибо оно вступило, безъ сомнѣнія, на самую широкую дорогу — дорогу *эклектизма*, съ которой, къ сожалѣнію, не замедлило сбиться. Оно начинало почерпать для себя средства,

производитъ впечатлѣнія (ses moyens d'effet) въ истинномъ источникѣ, то есть, въ противоположностяхъ Искуства съ Природою, и въ томъ счастливомъ смѣшеніи Идеальнаго съ Дѣйствительнымъ, безъ коего нѣтъ истинно-Изящнаго.

Шантильи, Ане, Экуанъ, Шанонсо, и множество другихъ дворцовъ и увеселительныхъ домовъ во Франціи, были устроены по симъ началамъ, и долго свидѣтельствовали превосходство ихъ. Одинъ Шанонсо пережилъ другіе: извѣстно, что это, можетъ быть, единственный замокъ во Франціи, въ которомъ донынѣ сохранились старинная меблировка и первобытныя украшенія, единственный, который не изуродовала революція своею гибельною рукою. Шанонсо есть Помпея XVI вѣка: мебели, рѣзьба, обои, соблюдены въ немъ такъ рачительно, все находится съ такою точностью на своемъ старомъ мѣстѣ, что Генрихъ II, и любовница его даже, если-бы могли придти въ прежнее свое убѣжище, съ трудомъ нашли-бы какую нибудь перемѣну. Къ несчастію, сады Шанонсоскіе не были такъ уважены, какъ внутренность замка; впрочемъ, они никогда и не были устроены въ большомъ размѣрѣ. Однакожъ, окружность замка сбережена хорошо, и для насъ это весьма важно. Сихъ остатковъ достаточно, дабы дашь намъ живое понятіе о смѣшенномъ родѣ

садовъ, потерю коего мы выше сего оплакивали: можно понять здѣсь, какъ выше былъ этотъ смѣшенный родъ двухъ исключительныхъ родовъ, за нимъ послѣдовавшихъ; какъ была прелестна, важна, и истинно художественна смѣсь богатствъ архитектурныхъ, съ свободною, оставленною самой себѣ, живописною растительностію.

Но, намъ должно оставить Францію, если мы хотимъ перенестись въ золотой вѣкъ садовъ. Шанонсо, Ане, Экуань, Шантильи были дѣтскія игрушки, въ сравненіи съ чудесами, какія являлись тогда въ Италіи: тамъ должно искать отчизны изящныхъ садовъ, также какъ и изящной Живописи. Итальянская природа сама по себѣ представляетъ такой высокой стиль, столько благородства, столько чистоты въ формахъ; предметы группируются и дѣлятся тамъ такъ хорошо линіями и этажами, что почти безъ принужденія природы весьма легко подводить ихъ къ архитектурнымъ пропорціямъ. Генію художниковъ немного надобно было сдѣлать, дабы найдти искусный переходъ отъ правильнаго къ живописному. Посмотрите въ знаменитыхъ Римскихъ *виллахъ*, особенно въ виллѣ Панфили, въ виллѣ Альдобрандини, съ какимъ волшебнымъ искуствомъ, по мѣрѣ того, какъ вы удаляетесь отъ жилищъ, архитектурная симметрія и строгость линій

уменьшается, изглаживается, теряется въ неправильныхъ формахъ ландшафта. Вы не заперты въ тюрьмѣ зелени; вы не вдругъ брошены въ такъ называемую, *совершенную деревню* (pleine campagne), которая не представляетъ ни формъ, ни стиля, ни характера; напротивъ: Природа у васъ въ перспективѣ, а Искусство у ногъ вашихъ, и вокругъ васъ, какъ великолѣпная рама картины. Не утверждаемъ, чтобы въ сихъ удивительныхъ садахъ не льзя было сыскать ни какихъ пятенъ на чистомъ вкусѣ. У Итальянцовъ есть пороки, безобразящіе не только ихъ Ваяніе и Архитектуру, но даже костюмы жителей, поэзію ихъ, и самые религіозные обряды. Таковы: страсть къ привѣскамъ, роскошь на шитье, излишекъ украшеній въ частяхъ. Но въ идеѣ главной, въ соединеніи частей, расположеніи, уравненіи массъ, сады Итальянскіе выдержатъ критику самую холодную, самую разсудительную, и могутъ почесться неподражаемыми образцами. Что же дѣлаетъ ихъ особеннымъ предметомъ нашего удивленія? Это чувство ими внушаемое, свободное чувство Изящнаго, а не плодъ выродокъ чувствъ, который мы называемъ впечатлѣніемъ сельской природы. Впечатлѣнія сельской природы хороши, очень хороши; но въ полѣ, а не тогда, какъ мы гуляемъ въ загородкѣ, отъ которой ключъ у насъ въ карманѣ, пространство кото-